

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

«ФОНТАНКА»

№ 13. 2013 год

Содержание

К читателю	3	<i>Н. М. Светлова.</i> Неизвестные имена в истории Петербурга	51
<i>Петербургские судьбы</i>		<i>Публикации</i>	
<i>А. А. Забельская.</i> Жизнь для ближнего. К 150-летию со дня рождения князя А. Д. Львова	6	<i>Н. В. Кольшницына.</i> К 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина	66
<i>А. Ф. Векслер.</i> Павел Иванович Беюл, педагог и экскурсовод	22	<i>Трактат науки</i>	
<i>Важность места</i>		<i>В. А. Меньшикова.</i> Магнитная и метеорологическая обсерватория города Павловска	79
<i>А. П. Векшин.</i> Исторический вид города Ниена и крепости Ниеншанц	31	<i>Зодчие</i>	
<i>Родословная</i>		<i>В. Г. Исаченко.</i> Ленинград послевоенный (1945–1955 гг.)	90
<i>В. Е. Павлов.</i> Петр Великий и Строгановы	39	<i>Наша кинорежиссерская полка</i>	
		<i>Э. Г. Шрадер, Т. Вуори.</i> История фотоателье «А.Рентцъ и Ф.Шрадеръ» . . .	103

Редакция альманаха

Бушина Светлана Сергеевна
Волкова Светлана Анатольевна
Нижанковская Лидия Геннадиевна
Рудая Зинаида Абрамовна (отв. ред.)
Савельева Александра Викторовна
Шубина Елена Ивановна

Редакционный совет

Аксельрод Владимир Ильич
Кузнецова Татьяна Валентиновна
Молкина Ольга Ивановна
Орлова Валентина Трофимовна
Сергеева Ирина Михайловна

Фонтанка: культурно-исторический альманах /
ЦГПБ им. В. В. Маяковского. – СПб., 2013. – № 13. – 102 с.

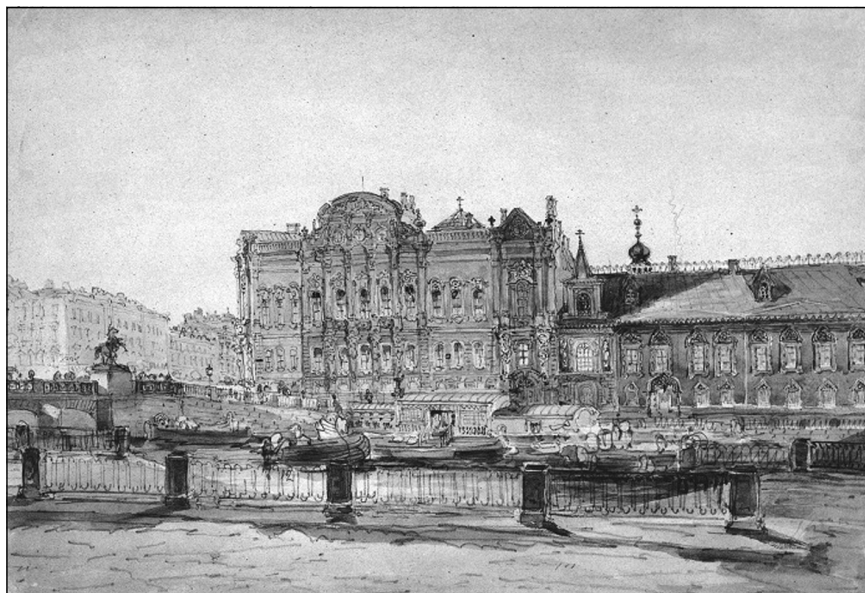
© ЦГПБ им. В. В. Маяковского
© Дизайн Людмилы Пивоваровой
© Художник Виктор Гузенюк
© Издательство «Северная звезда», оригинал-макет, 2013

Контактная информация:

Центр петербурговедения ЦГПБ им. В. В. Маяковского
191025, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 44-46
Тел.: 310-36-58
E-mail: petroinf@pl.spb.ru
<http://www.pl.spb.ru>; <http://www.mirpeterburga.ru>

Формат издания 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Петербург»
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Северная звезда»
196128, Санкт-Петербург, Варшавская ул., д. 23, к. 1.
Тел. 388-93-41; e-mail: tozvezda@yandex.ru

К читателю

Для культурно-исторического альманаха «Фонтанка» прошедший Год российской истории был богат на материалы, посвященные петербургским граням Отечественной войны 1812 года. В наступившем 2013 году мы возвращаемся к тематическому многообразию и предлагаем читателям статьи уже известных и новых для нас авторов в традиционных рубриках альманаха.

Выпуск открывает статья историка Стрельны А. А. Забельской, посвященная выдающейся личности – князю А. Д. Львову, спасателю по призванию, которому в марте этого года исполняется 150 лет со дня рождения. Статью автор сопровождает редкой фотографией своего героя, её удалось найти в Российской национальной библиотеке, на страницах альбома, сравнительно недавно изданного во Франции.

Другой петербургской судьбе посвящена статья нашего постоянного автора А. Ф. Векслера. Автор, сам педагог, с особым чувством рассказывает о преподавателе Реформатского училища П. И. Беюле, об экскурсиях, которые он устраивал для детей, чтобы передать им в путешествиях чувство Родины.

В старейшей рубрике «Память места» помещена статья А. П. Векшина, ученого-биолога, действительного члена Русского географического общества, который разглядел на петровских победных медалях изображение Ниеншанца и аргументированно доказывает его достоверность. Статья представляет большой интерес для всех, кто мечтает увидеть Петербургский археологический музей на Охтинском мысу.

Мы продолжаем знакомить читателей с родословными. Профессор Санкт-Петербургского государственного университета путей сообщения, в прошлом – ректор университета, В. Е. Павлов рассказывает о Строгановых, среди которых были и студенты Института корпуса путей сообщения. Как положено в генеалогических работах, автор прилагает таблицу, которая помогает различить ветви и определить известных личностей.

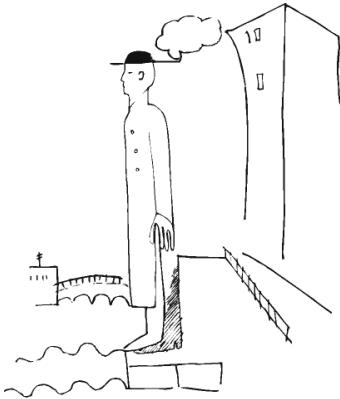
Рядом статья Н. М. Светловой, которая, изучая Васильевский остров, обнаружила неизвестное имя Чекушкиных и раскрыла историю выходцев из государственных крестьян Ярославской губернии, занимавшихся в Петербурге ломовым извозом и успешно освоивших затем и другие виды коммерции.

Сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга Н. В. Колышницына продолжает знакомить читателей альманаха с неизвестными документами. Из публикации видно, как была устроена охрана председателя Совета министров П. А. Столыпина, вопреки стараниям которой выдающийся государственный деятель был смертельно ранен.

Заведующая библиотекой Павловска В. А. Меньшикова публикует свое новое исследование – о забытой метеорологической обсерватории, располагавшейся на землях великого князя Константина Николаевича в удаленной части Павловского парка.

В. Г. Исаченко, выдающийся исследователь истории архитектуры города, возвращает нас в недавнее прошлое: рассказывает о послевоенной архитектуре Ленинграда, когда восстанавливая и украшая город, зодчие опирались на его классические традиции. Этот этап архитектуры в 1955 г. был резко прерван партийным решением об устранении архитектурных излишеств, и место традиционной классики заняла функциональная типовая архитектура. В. Г. Исаченко с восхищением говорит о достоинствах ушедшего архитектурного стиля и прилагает к своей статье обширный перечень удачных построек послевоенных лет с указанием имен архитекторов петербургской-ленинградской школы – авторов зданий, украсивших город.

Редакция ждет читательских откликов на опубликованные статьи и приглашает авторов к участию в следующих выпусках альманаха.

Петербургские судьбы

*Анна Анатольевна Забельская,
журналист*

Жизнь для ближнего

К 150-летию со дня рождения князя А. Д. Львова

Весной 1926 года в «Красной газете» появилась маленькая заметка под заголовком «Ценные книги — на обертки. 800 пудов литературы на рынке»:

«На Александровский рынок, неизвестно каким путем, попала ценнейшая русская и иностранная литература, по мнению академика С. Ф. Платонова, принадлежащая б. вел. кн. Константину Павловичу. Даже по неточному определению, этой литературы на рынке имеется

около 800 пудов. Академия наук случайно натолкнулась там на книгу — учебник XVIII столетия, принадлежащую перу учителя Петра I — токаря Андрея Нартова. Книги в прекрасных переплетах, стоящие каждая не менее 3—5 руб., распродают по 50—60 коп. и идут на обертки. Как книги попали на рынок и чьих рук это дело — совершенно неизвестно».

В среде ленинградских, да и московских библиофилов эту новость восприняли как сенсацию — на многих книгах стоял вензель «СР» — «Czar Paul».

Ленинградский библиофил С. А. Мухин 20 декабря 1927 года выступил с докладом, посвященным этому событию, в городском обществе библиофилов, а в 1929 году его доклад был издан в количестве 100 экземпляров в виде тоненькой книжки, называвшейся «Судьба одной библиотеки». Книжечка была прочно забыта, а посему, когда вновь всплыло из тьмы забвения имя одного из создателей Императорского Российского Пожарного общества (ИРПО), князя Александра Дмитриевича Львова, никто не мог точно сказать: как же сложилась его судьба после революции? Сгинул где-то в Вологде, наверное, был выслан, там и скончался. Или выжил и уехал за границу?

Между тем, именно в тоненькой брошюре С. А. Мухина таилась часть ответа на эти вопросы, поскольку редкие книги принадлежали дочери князя — Александре Александровне, по мужу — Яцко. Но современных биографов А. Д. Львова интересовала только одна сторона его жизни — «противопожарная».

Создал и содержал на свои деньги пожарную дружину в Стрельне, издавал книги по пожарному делу, редактировал журнал «Пожарное дело», короче — «огненный князь». Конечно, если бы князь Львов был великим полководцем или великим преступником, революционером или мракобесом, о нем было бы известно гораздо больше. Но воспитание, убеждения, личные переживания или что-то иное помогло ему еще в ранней молодости понять, что человеческая жизнь уязвима и нуждается в защите. И он избрал стезю спасателя. В самом широком смысле этого слова.

К «Судьбе одной библиотеки» мы еще вернемся, а сейчас пусть расскажет нам о князе Львове более подробно брат Антона Павловича Чехова — Александр Павлович. Он в конце XIX века работал у

Князь А. Д. Львов.

*Источник: Nobless Russe Portraits.
V.4 /Jacques Ferrand. – Paris, 1988.*

знаменитого А. Суворина, в газете «Новое время». Когда сосед князя Львова — граф Александр Дмитриевич Шереметев, создавший пожарную команду в своем имении, в Ульянке, задумал в 1892 году издавать журнал «Пожарный», он пригласил на должность редактора Александра Павловича.

В первом номере «Пожарного» был опубликован рассказ о графе Шереметеве, а во втором — о князе Львове:

«Год тому назад праздновало десятилетие своего существования одно из самых симпатичных частных учреждений. Это — пожарная команда, основанная князем Александром Дмитриевичем Львовым. Находится она в Стрельне, под Петербургом и составляет частную собственность князя. Она обязана своим возникновением его усилиям, энергии и бескорыстной любви к пожарному делу. Команда эта оказала Стрельне немало важных и серьезных услуг; жители этого городка-мызы не один раз были обязаны пожарной дружине князя спасением своих имуществ от огня. Неподдельная благодарность их выразилась во время празднования десятилетия команды. В этот день после молебна была поднесена князю А. Д. масса адресов, сердечных пожеланий и, между прочими подарками — серебряная модель пожарной бочки. Князь очень часто лично командует своей дружиной в борьбе ее с огнем и относится с должным

уважением к своему скромному брандмейстерскому мундиру и медной каске. В воспоминание этих заслуг жителями Стрельны поднесена А. Д. золотая, почетная каска.

Князь Александр Дмитриевич Львов родился 4 марта 1863 года и лично крещен в Бозе почившем Императором Александром Николаевичем.

Князь получил образование сначала домашнее и выдержал потом, в 1883 году, экзамен в Орловском Бахтина кадетском корпусе.

4 сентября 1883 года он был определен почетным членом Стрельнинского братства для ближнего и членом Совета его, состоящего под покровительством Ея Императорского Высочества Государыни Великой Княгини Александры Иосифовны. В том же году он был избран попечителем Стрельнинского сельского училища.

Приказом по Министерству Внутренних дел от 10 декабря 1884 года князь А. Д. определен Почетным членом Комитета детского приюта Принца Петра Георгиевича Ольденбургского и с 28 апреля по 4 декабря 1885 года исправлял должность секретаря Комитета.

22 июля 1887 года за особые труды и заслуги по Стрельнинскому братству для ближнего, Всемиловейше пожалован кавалером ордена Станислава 3-й степени; исправлял должность старшего члена Комитета.

В 1890 году построил в селе Железцове, в своем родовом приходе в Перемышльском уезде Калужской губернии каменное здание для народного двухклассного училища, в память события 17 октября 1888 года. Здание это с полною классною обстановкою и учебными пособиями было передано в распоряжение местного училищного Совета. За это пожертвование Государь Император Всемиловейше соизволил искренне благодарить его, князя Львова.

25 декабря 1890 года князь Всемиловейше пожалован кавалером ордена св. Анны 3 степени. По случаю преобразования Комитета детского приюта в Попечительский совет был утвержден действительным членом Попечительского совета. В январе того же 1891 года Совет Императорского Русского Технического общества избрал князя Львова, как инициатора Пожарной выставки, знатока пожарного дела и автора книги «Городские пожарные команды», членом организационного комитета этой выставки.

Государь Император Всемилостивейше соизволил дать согласие на принятие и ношение князем А. Д. Львовым иностранных орденов: пожалованного 11 марта 1891 года великим Герцогом Ольденбургским ордена заслуг Герцога Петра-Фридриха-Людвига 2-й степени, для ношения в петлице, и пожалованного 11 сентября 1891 года Его Величеством Императором Германским Королем Прусским ордена Красного Орла 4-й степени за изобретенный им летучий лазарет.

Знакома читателей нашего журнала с А. Д. Львовым и его безкорыстной деятельностью по пожарному вопросу, мы от души и смело можем высказать надежду, что и дальнейшие предстоящие труды его будут также, как и настоящие, плодотворны на долгие и многие годы».

Антон Павлович Чехов тоже поучаствовал в создании нового журнала советами и ироническими письмами:

«Ал. П. ЧЕХОВУ, 23 февраля 1892 г. Москва.

Пожарный брат мой! Теперь я верю в предчувствия и пророчества: когда в детстве ты орошал по ночам свою постель и потом в отрочестве, кроме орошения, занимался еще тем, что бегал на пожары и любил рассказывать о пожарной команде, бегущей по каменной лестнице, – тогда еще следовало предвидеть, что ты будешь пожарным редактором. Итак, поздравляю. Туши, Саша, пожары своим талантливым пером на шереметьевский счет, а мы будем радоваться.

...Приезжай, Саша! Я помещу тебя в курятнике и устрою для твоего развлечения пожарную тревогу. «Пожарного» высылай по следующему адресу: Ст. Лопасня, Моск.-Курской дороги, А. П. Чехову.

Вчера актер Гарин-Виндинг говорил мне, что хочет послать тебе статью «Пожары театров». Кланяйся своим и будь здоров. В программе журнала вы пропустили отдел: судебные процессы, относящиеся к поджогам и страховым операциям.

Ал. П. ЧЕХОВУ, 21 марта 1892 г., Мелихово. Ст. Лопасня.

Пожарный Саша! Твой журнал получаем и с восторгом прочитываем биографии великих брандмайоров и списки пожалованных им орденов. Желаем, Сашечка, и тебе получить Льва и Солнца...

2-й номер «Пожарного» составлен лучше, чем 1-й. Родственникам твоим весьма лестно, что ты ведешь дело вместе с графом и помещаешь портреты князей. Кланяйся, душенька, их сиятельствам и попроси

у них рублик на братство, душенька. Что мне заплатит граф, если я пришлю пожарный рассказ? Даст 100 руб.?»

Александр Павлович вскоре поссорился с графом Александром Дмитриевичем и ушел с поста редактора «Пожарного», но продолжал дружить с князем Александром Дмитриевичем. К первому Всероссийскому съезду пожарных деятелей России Львов предложил Чехову написать «Исторический очерк пожарного дела в России» и сам издал его — книгу предваряет весьма примечательная надпись: «Издание Председателя литературной секции Всероссийской пожарной выставки и съезда князя Александра Дмитриевича Львова».

Некоторые факты из биографии А.Д. Львова, опубликованной в «Пожарном», нуждаются в пояснениях и дополнениях. Кроме домашнего образования и знаменитого Орловского кадетского корпуса Бахтина, Александр Дмитриевич получил и высшее образование — окончил Санкт-Петербургский Университет. (Стоит заметить, что в списках известных воспитанников кадетского корпуса и выпускников Санкт-Петербургского Университета князя А. Д. Львова нет.)

Домашнее образование получал он зимой в Санкт-Петербурге, где его мать имела дом № 39 на улице Большой Морской, а летом — в Калужской губернии, в родовом поместье отца, князя Дмитрия Александровича Львова (1833–1874). В книге «Списки титулованным особам и лицам Российской Империи», изданной в Санкт-Петербурге в 1892 году, есть запись: «утверждены в княжеском достоинстве с внесением в V часть Родословной книги, князя Львовы... действительный статский советник Александр Дмитриевич и сыновья его: Евгений, Дмитрий, Андрей и Василий».

Дмитрий — отец Александра Дмитриевича, а Евгений — отец Георгия Евгеньевича Львова — будущего главы Временного правительства в 1917 году.

«Калужские губернские ведомости» сообщали 22 декабря 1890 года: «Перемышльский землевладелец князь Александр Дмитриевич Львов в память чудесного избавления государя Императора и Августейшего Семейства Его Императорского Величества от опасности при крушении Императорского поезда 17 октября 1888 года, на собственные средства построил в селе Железцове Перемышльского уезда каменное здание для народного училища с полной классной обстановкой, стоимостью около 10000 рублей, каковое здание, при

освящении его 17 сентября сего года, князь Львов передает в заведывание местного училищного совета. По верноподданейшему о сем докладу г. Министром Внутренних Дел, Государь Император Всемилостивейше повелеть соизволил «искренне благодарить за пожертвование».

О том, что такое «летучие лазареты» лучше всего расскажет сам Александр Дмитриевич. В 1892 году он издал книжку «О полевых летучих лазаретах», которую предварил следующим вступлением: «В 1880 году, в ознаменование 25-летия царствования Государя Императора Александра Николаевича, Главное управление Общества Красного Креста учредило денежную премию за лучшее изобретение, могущее послужить к облегчению страданий больных и раненых воинов. На соискание премии в 1890 году, мною был представлен, под девизом «Для ближнего», проект устройства полевого летучего лазарета, удостоенный почетного отзыва, вследствие постановления Главного управления Общества от 21 февраля 1890 года. Два следующие затем года, я употребил на постройку моделей, или, вернее, пробных лазаретов, на испытания их свойств, стараясь, таким образом, разработать в деталях основание моего проекта. Во всей этой работе мною руководило стремление устранить некоторые несовершенства в существующей организации средств для подания первой помощи больным и раненым чинам армии и для дальнейшего лечения».

Возможно, Львов был знаком с мнением создателя военно-полевой хирургии хирурга Н.И. Пирогова, который писал о том, что главное для сохранения жизни — быстрое оказание помощи раненым. Санитарные обозы, следующие за армией, были медлительны и громоздки, не успевали за войсками, если же и успевали, то долго распаковывались и разгружались. Стоило одной-двум обозным телегам сломаться по дороге — и работа лазарета вообще могла быть парализована, если сломавшиеся повозки везли, например, лекарства или перевязочные материалы.

Львов придумал конструкцию «летучего» лазарета. Нужно было, как он сам писал «расчленив полевой лазарет, на небольшие, вполне независимые друг от друга части, так, чтобы каждая из них могла перевозиться вся зараз на одной повозке какого угодно типа и, вместе с тем, представляла бы собой лазарет в миниатюре, снабженный

всем необходимым как для лечения, так равно и для содержания небольшого числа больных. В палатке, представляющей собою помещение для больных, устанавливается шесть складных коек, служащих вместе носилками для переноски раненых, тут же помещается большой ящик, в котором перевозятся и хранятся медикаменты, перевязочные средства, белье, принадлежности кухни и запас продовольствия. Крышка ящика может служить операционным столом».

В 1890 «летучий» лазарет Львова участвовал в военных маневрах и прекрасно зарекомендовал себя — он не отставал даже от кавалерии и был подготовлен к работе за 20 минут.

«Правительственный вестник» 2 августа 1890 года сообщал: «В среду, 1 августа, Их Величества Государь Император и Государыня Императрица в 10 часов утра посетили Красносельский военный госпиталь... Смотритель госпиталя полковник Смельский представил Его Величеству образец походной переносной палатки-госпиталя. Его Величество выразил свое удовольствие состоянием госпиталя». Правда, русскую армию «летучий» лазарет не очень заинтересовал. Зато, как и упоминается в публикации «Пожарного», лазарет оценил присутствовавший на маневрах Император Германский, Король Прусский Вильгельм II.

Князь верил в свое детище и строил новые образцы (естественно, на свои средства). И не зря. Даже не допущенные на поле брани «летучие» лазареты Львова спасли жизнь десятков людей.

В начале 1890-х годов Российскую империю посетила страшная гостья — холера. Холера не в первый раз появлялась в пределах страны, где мало кто знал о соблюдении простейших правил гигиены, а «холерные бунты» возникали не потому, что народ был недоволен лечением, а потому, что считал врачей обманщиками, которые «придумали» холеру, чтобы травить людей.

Весной 1892 года холера поразила юг России. Петербуржцы поначалу не опасались: власти и газеты убеждали, что Петербургу холера не грозит — климат не тот. Но болезнь распространялась стремительно, и уже к середине лета были зафиксированы первые смерти в столице. Постоянно публиковались в газетах распоряжения Медицинского департамента о «предохранительных мерах против холеры».

Для А.Д. Львова лето 1892 года оказалось сверхнапряженным периодом. 14 июня в зале Педагогического музея открылся Первый Всероссийский съезд русских деятелей по пожарному делу, инициатором которого был князь, а тут еще и эпидемия холеры. В Стрельне случаев холеры было зафиксировано больше, чем в других населенных пунктах Петергофского уезда, по причине плохого водоснабжения и огромного количество богомольцев, приезжавших в соседнее Сергиево, в монастырь.

По просьбе Александра Дмитриевича Стрельнинское Дворцовое правление выделило кусок земли, «на котором, пожертвованиями князя Львова и других местных лиц, устроен был холерный барак и другие строения, а Санкт-Петербургское губернское земство отпустило 300 рублей для приспособления барака к вышесказанной цели». Осенью 1892 года Александр Дмитриевич, «согласно желанию местного населения, жертвовавшего на барак», передал все строения в дар Петергофскому земству.

Благодаря стараниям князя, совершенствовалась работа земских медицинских учреждений не только в Стрельне, но и в других местностях Петергофского уезда. В 1896 году уездное земское собрание констатировало: «Открыт, устроенный еще в 1892 году, на соединенные средства земства и частных жертвователей, барак на 10 кроватей, к нему прибавлен барак складной, летучий, системы князя Львова, инвентарь его, хранившийся с 1892 года, пополнен, а для ведения дела лечения в помощь санитарному врачу, проживающему в Стрельне, приглашен студент V курса Медицинской Академии и назначено 2 фельдшера и один дезинфектор за счет губернского земства. В Мартышкине тоже поставлено 2 барака системы князя Львова с полным инвентарем, медикаментами и фельдшером».

К слову сказать, князь практически всю жизнь был земцем — местным депутатом — гласным земского уездного собрания Петергофского уезда, а осенью 1892 года, на очередном уездном земском собрании 29-летний Александр Дмитриевич был избран председателем Петергофской уездной земской управы. Он был образцовым председателем управы. Через год, 1 ноября 1893 года, уездное собрание «выразило благодарность князю Львову за установку им на свой счет верстовых столбов и указателей дорог, а так же выражена благодарность господам дорожным комиссарам за их труды, причем

князь Львов заявил собранию об усердном участии и содействии волостных старшин и крестьян при постановке верстовых столбов, добровольно ими вывезенных. Гласные от крестьян, со своей стороны, просили занести в журнал выражение глубокой признательности управе и, в особенности, князю Львову за попечение и помощь, оказанные населению при закупке ржи и вообще по продовольственному вопросу».

Решая продовольственный вопрос, Александр Дмитриевич приложил немало сил и средств для снабжения населения и пищей духовной.

В 1896 году уездным земским собраниям Санкт-Петербургской губернии был представлен «Доклад совета Санкт-Петербургского комитета грамотности, состоящего при Императорском Вольном Экономическом обществе, об открытии земских бесплатных народных читален». В то время, как Комитет грамотности только призывал земцев создавать читальни для народа, Петергофская уездная управа не без гордости констатировала, что в уезде этот вопрос уже решается.

«В ознаменование Высочайшего дня бракосочетания Их Императорских Величеств Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Федоровны, Председатель Управы князь А. Д. Львов, пожелал положить основания сельским библиотекам в 11 волостях Петергофского уезда, для каковой цели заказал соответствующие шкафы и сделал выбор подходящих книг из утвержденного министерством каталога, о чем отношением от 8 марта сего года и заявил Петергофскому Училищному Совету, выразив надежду, что просвещенные члены совета вполне разделят его взгляд на необходимость в дальнейшей поддержке и развитии упомянутых библиотек, которые послужат к распространению грамотности среди сельского населения. Выслушав означенное заявление, Училищный Совет постановил передать его в Училищную Комиссию, которая в заседании 17 октября постановила: в виду имеющейся уже библиотеки-читальни в Копорской волости при училище Министерства Народного Просвещения, на жертвуемые князем Львовым деньги положить основание при школах 10 волостей библиотекам, причем устроить, где позволит место, и читальни. Библиотеки устроить в следующих волостях при школах: в Ораниенбаумской волости – при Броннинском училище; в Ковашевской – при Ковашевском; в Бегуницкой – при Бегуницком; в Губаницкой –

при Губаницком; в Витинской – при Витинском; в Медушской – при Медушском; в Гостилицкой – при Гостилицком; в Ропшинской – при Глядинском. В деревне Капорское, хотя и принадлежащей к Витинской волости, но находящейся в районе Шунгорской волости – при Капорском училище, в Воронинской волости – при Горбовицком училище».

В отличие от своего родственника, Императора Николая II, Александр Дмитриевич был горячим сторонником местного самоуправления. В 1909 году он и другие члены Императорского Российского Пожарного общества (ИРПО) участвовали в Первом съезде «подстоличных» поселков.

В конце XIX – начале XX века петербуржцы: учителя, врачи, рабочие, дворяне, купцы, чиновники, ремесленники в целях экономии начали переезжать на постоянное жительство за город, создавая так называемые «подгородки» или «поселки» – совершенно новые, внесловные, не предусмотренные законом населенные пункты. Насущными вопросами поселков становились благоустройство, водоснабжение, наличие больниц и школ, и не земских – для крестьян, а гимназий, но решать эти вопросы официальные власти не могли.

Проект закона о поселковом самоуправлении много лет пылился в Государственной Думе, которая его так и не приняла. (Только в июле 1917 года, уже Временное правительство, утвердило постановление о поселковом управлении.) Поэтому в поселках создавались добровольные Общества содействия благоустройству. Одно из первых таких обществ появилось в Стрельне в 1896 году.

Желая наиболее широко распространить опыт создания добровольных пожарных дружин, князь не обращал внимания на сословные различия.

Члены ИРПО сотрудничали со специальными изданиями – газетой «Поселковый голос» и журналом «Поселок». Их участие в съезде представителей поселков Санкт-Петербургской губернии было прекрасным шансом для пропаганды мер и средств борьбы с пожарами.

(Кстати, из всей семьи Романовых приветствие съезду отправил только К.Р. – владелец Константиновского дворца в Стрельне, Великий князь Константин Константинович Романов, тоже родственник Александра Дмитриевича).

Напомню, что мать князя Львова — Александра Павловна — была дочерью Павла Константиновича Александрова — внебрачного сына Великого Князя Константина Павловича, брата Александра I. Именно ей, своей дочери, завещал Павел Константинович библиотеку отца. И судьба библиотеки оказалась тесно связана с судьбой нашего героя — князя А. Д. Львова.

В книге «Судьба одной библиотеки» находим упоминания о том, что А. А. Яцко — дочь князя А. Д. Львова, была последней владелицей уникальной книжной коллекции. Но стала ли она ею уже после смерти отца? В фондах Отдела рукописей РНБ есть гранки книги С. А. Мухина с его правкой. Мухин, говоря о князе Львове, указывает только год его рождения, а упоминая об Александре Александровне, вычеркивает слово «наследница» и заменяет его словом «владелица». Если учесть, что Мухин лично знал семью Яцко, то можно предположить, что в 1927 году, когда он делал доклад в обществе библиофилов, а затем писал книгу, Александр Дмитриевич был жив.

Иван Васильевич Яцко, муж Александры Александровны, штабс-капитан 148-го пехотного Каспийского полка, расквартированного в начале XX века в Петергофе, прославился тем, что занимался «потешным войском»: сегодня мы бы сказали — начальной военной подготовкой или скаутским движением. В соавторстве с С. И. Назимовым в 1911 году он опубликовал книгу «Русское потешное войско: история его происхождения и развития». И. В. Яцко наверняка был знаком с князем А. Д. Львовым — Императорское Пожарное общество тоже организовывало военизированные «отряды юных пожарных». Поэтому не удивительно, что дочь Александра Дмитриевича и его супруги Елизаветы Николаевны вышла замуж за Ивана Васильевича Яцко. В 1914 году у них родился сын Константин.

Летом 1918 года бывший полковник Генштаба Яцко поступил на службу в Главное управление драматических театров Петрограда, но уже осенью его призвали в РККА, на Южный фронт. Нарком просвещения А. В. Луначарский, в ведение которого находились театры, пытался воспрепятствовать призыву Яцко в армию, доказывая предреввоенсовета Л. Б. Троцкому, что Иван Васильевич весьма ценный специалист и его призывать не стоит, а уж если и призывать, то не на Южный фронт, а оставить в Петрограде, при штабе. Луначарскому, при помощи комиссара Петроградского военного округа

Б. П. Позерна, удалось избавить И. В. Яцко от Южного фронта, но не от службы. Иван Васильевич отправился на север, в Вологду, в 6-ю армию, которой командовал бывший командир Каспийского 148-го пехотного полка В. М. Гиттис. И. В. Яцко был назначен начальником оперативного управления.

Именно из Вологды приезжал весной 1918 года князь А. Д. Львов на празднование 25-летия Всероссийского Пожарного общества — так называлось после 1917 года ИРПО. (Общество осенью 1917 года объявило «пожары вне политики» и продолжало действовать до ликвидации в 1919 году). Вряд ли Александр Дмитриевич был сослан на север: въезд в Петроград в 1918 году был только по пропускам, так что князь имел на руках некую бумагу, которая позволяла ему беспрепятственно посетить праздничное заседание. К тому же в журнале «Пожарное дело» он продолжал числиться редактором до весны 1919 года — только писался просто А. Д. Львов, без «князя». В 1919 году Пожарное общество было распущено, издание журнала прекращено. Возможно, это было связано со смертью весной 1919 года одного из видных большевиков — М. Т. Елизарова — главного комиссара по страхованию и пожарному делу. Он высоко ценил деятельность общества, руководимого А. Д. Львовым, и в 1918 году приветствовал участников юбилейного собрания, желая им дальнейшей успешной работы и развития.

Между тем, И. В. Яцко продолжал служить в Красной армии: начальником военчасти Петроградского военного округа, затем штатным преподавателем Петроградских курсов действующих родов войск и был включен в списки Генерального штаба РККА от 15.07.1919 г. и 07.08.1920 г. Упоминание об Иване Васильевиче есть и в «Списке лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в рабоче-крестьянской Красной армии, составленном по данным к 1 марта 1923 года». В 1921 году он был демобилизован и вернулся на прежнее место работы.

Жили Яцко в Ленинграде на Тверской улице. Библиофил П. Н. Мартынов вспоминал о событиях мая 1926 года: «В связи с продажей библиотеки, в Ленинград приезжал книжник-антиквар Павел Петрович Шибанов, который заведовал антикварным магазином «Международная книга» в Москве. Библиотека была упакована в ящики и с квартиры Яцко на Тверской улице перевезена на

подводах (в то время автотранспорт мало использовался) в подвалы «Международной книги» на Литейном проспекте. Все восхищались этими книгами, но отсутствие средств тормозило приобретение этого собрания. Я доказывал Шибанову: «Павел Петрович, книги-то неплохие, много есть с экслибрисами, надо бы их купить, часть отправить в Москву, а часть оставить в Ленинграде». Он отвечал мне: «Да, Петя, у тебя нюх есть, книги-то неплохие, но у нас кишка слаба, давай-ка укладывать книги обратно в ящики». Таким образом, библиотека была возвращена владельцу, который стал распродавать ее небольшими партиями, подчас даже отдельными книгами». Наиболее ценные книги этой библиотеки были приобретены за бесценок ленинградским антикваром Н. А. Константиновым и проданы за границей. Какую-то часть книг все же купила Библиотека Академии наук.

Яцко продавали книги, видимо, от безысходности. Еще в 1925 году Александра Александровна обратилась в две крупнейшие библиотеки Ленинграда (Библиотеку Академии наук СССР и Публичную библиотеку) с предложением приобрести принадлежавшие ей книги за 3000 рублей, но согласия на покупку получено не было. Иван Васильевич весной 1924 года вынужден был уволиться, вернее, предвосхитил распоряжение Петроградского ОГПУ об его увольнении: бывшие офицеры царской армии уже приравнялись к «врагам народа». (Оба руководителя ОГПУ, подписавшие распоряжение, были расстреляны в 1937 году). Как красный командир, а затем — как просто житель Ленинграда, Иван Васильевич, естественно, заполнял многочисленные анкеты, где обязан был назвать всех родственников, тем более — родственников жены. Что писал он об отце Александры Александровны? Ответ на запрос о судьбе Ивана Васильевича Яцко, отправленный в Государственный исторический военный архив, возможно, ответит на этот вопрос. Сегодня же можно сказать, что родные князя Львова и полковника Яцко испытывали на себе всю изощренную жестокость системы, созданной «эффективным менеджером» и «отцом народов».

С середины 1920-х годов до 1935 года сведений о семье Львовых-Яцко немного. Александра Александровна с сыном, ее мать — Елизавета Николаевна Львова и старшая сестра матери — Елена Николаевна Бейль, живут на Тверской, в коммуналке. В 1928 году Александра

Александровна указывает, что живет «на средства мужа», но в списках жильцов Иван Васильевич не значится.

10 марта 1935 года арестовывают 74-летнюю Елизавету Николаевну Львову: в квартире на Тверской, «по агентурным данным», происходят некие встречи с застольями. На допросе Елизавета Николаевна объясняет, что встречи происходят в комнате племянника И. В. Яцко, живущего в той же коммуналке — Г. Л. Товстоного, кто на встречи ходит и на какие деньги они проводятся — она не знает, сам же И. В. Яцко эмигрировал во Францию «лет десять назад».

— От кого вы получаете помощь из Франции? — спрашивает следователь.

— Я — ни от кого, моя сестра получала два раза от Алисы Вожель, бывшей воспитательницы моей дочери.

— Кого вы знаете из бывших людей?

— Здесь не знаю никого, у мужа была большая родня, но где они сейчас находятся, не знаю, вероятно, разбежались по заграницам.

И ни слова о муже. Где, что, жив или нет — ни слова.

Следствие приходит к выводу, что Елизавета Николаевна и её семья социально опасны, а потому подлежат высылке из Ленинграда в Уфу на пять лет.

Следствие даже проявляет «гуманизм» — до приведения в исполнение постановления о высылке обвиняемую Львову из-под стражи освобождают.

В конце того же марта вся семья приезжает в Уфу. Как они жили там, в незнакомом городе, две старухи, немолодая и уже больная женщина и её сын? «Бывшие люди», социально опасные для советского общества, родные человека, который посвятил свою жизнь спасению ближних. В 1936 году было пересмотрено дело в отношении Константина Яцко, и обвинение с него было снято. Он мог уехать, но остался жить в Уфе. Ненадолго. В списках жертв политических репрессий в СССР в «Книге памяти Республики Башкортостан», есть запись: «Яцко Константин Иванович, родился в 1914 г., Ленинградская обл.; русский; образование неполное среднее; б/п; временно неработающий. Арестован 1 августа 1937 г. Приговорен: обв.: по ст. 58-10, 58-11. Приговор: к ВМН. Расстрелян 28 января 1938 г. Реабилитирован 17 января 1958 г.»

Судьба его бабушки, матери и тетки неизвестна. Елизавета Николаевна была посмертно реабилитирована в 1989 году. Логика абсурда: точные даты рождения и смерти есть в этой семье только у одного человека. У того, которого расстреляли.

Автор благодарит за помощь А. Я. Разумова — руководителя Центра «Возвращенные имена», редактора «Книги памяти “Ленинградский мартиролог”».

1. Красная газета. 1926. 12 мая.
2. *Мухин С. А.* Судьба одной библиотеки. Л.: Издание Ленинградского общества библиофилов, 1929.
3. *Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б.* Судьба библиотеки и архива М.В. Ломоносова. Л.: Наука, 1975 .
4. Переписка А. П. Чехова. М.: Художественная литература, 1984.
5. *Львов А. Д.* О полевых летучих лазаретах. СПб, 1892.
6. Отчет Земской управы Петергофского уезда. 1892 г. СПб., 1894–1895 гг.
7. Журнал заседаний Петергофского Уездного земского собрания, 1892–1895 гг.
8. Книга памяти республики Башкортостан. Т. 5. Уфа, 2005.
9. ЦГА СПб. Ф. 1963. Оп. 180. Д. 5377.
10. ЦГАЛИ. Ф. 260. Оп. 3. Д. 4067.
11. ОР РНБ. Ф. 76. № 70. С. 264.

*Аркадий Файвишевич Векслер,
исследователь*

Павел Иванович Беюл, педагог и экскурсовод

В сентябре 1901 года в Реформатском училище на Мойке, 38, появился новый учитель географии коллежский ассессор Павел Иванович Беюл¹. Нужно особо отметить, что традиции качественного преподавания географии в стенах этого учебного заведения были заложены его основателем пастором Муральтом, приглашавшим для этого лучших петербургских знатоков этого предмета, начиная с действительного члена Российской академии Константина Ивановича Арсеньева, автора лучшего в России в первой половине XIX века учебника географии. Так поступали и следующие руководители училища, поэтому возглавивший училище в 1901 году Артур Александрович Брок предложил ведение уроков географии учителю из гимназии Императорского Человеколюбивого общества П. И. Беюлу, которого знал как своего коллегу по преподаванию в украинских и петербургских гимназиях.

П. И. Беюл родился в 1874 году в городе Оргееве (Бессарабия). В 1892 году с золотой медалью окончил гимназию императора Александра III в Болграде, и в 1897-м – курс наук в С.-Петербургском историко-филологическом институте по специальности «древние языки и русская словесность», став помощником классных наставников и преподавателем греческого языка в I Петербургской гимназии, имея здесь шесть учебных часов в неделю². В следующем году перешел в гимназию Императорского Человеколюбивого общества воспитателем при пансионе и преподавателем латинского и русского языков³. Преподавал в этой гимназии до конца 1912 года, оставаясь там ещё один год воспитателем пансиона⁴.

В Реформатском училище уже в 1902 году Беюл начал преподавание русского языка и литературы и по предложению своего коллеги А. И. Лященко стал библиотекарем ученической библиотеки.

Каким преподавателем был Павел Иванович Беюл, явствует из воспоминаний одного из его учеников Владимира Вейдле, писателя, философа-эстетика, наиболее значительного из мыслителей такого профиля в постреволюционной русской эмиграции: «Фамилия... учителя, с любовью вспоминаемого мной, была необычная (болгарская? турецкая?). Русской грамоте он нас учил, в младших классах, и географии России. Не помню, как учил, возможно, что не Бог весть как. Скуки, однако, не наводил, в серые шинели полуобщественности, полуказенщины русских писателей не облакал, как это делал заместивший его в старших классах, орденами награжденный и ценимый в учебном округе, преподаватель Белошапкин, подменявший Островского «темным царством» и Обломова «обломовщиной», почти так же, как это делается в нашей стране и теперь, и ничему превышающему то, чему учили тогдашние учебники, нас не научивший. Относился он к нам с нескрываемым холодком, обаяние приберегая (как говорили) для женских учебных заведений, хоть и навсегда осталось мне неясным, откуда этот коренастый, немолодой, ежиком подстриженный и курносый человек обаяние мог извлечь, кроме как из цветного платочка в боковом кармане и цветочного одеклона, которым неприятно пахло от него. Тогда как Павел Иванович, черномазый, щупленький, небрежно одетый и не всегда хорошо выбритый южанин, тем-то своих малолетних еще учеников и покорял, что сердечной теплоты в нем таились неисчерпаемые запасы, и казалось нам всем, даже, когда он нас бранил и дурные отметки нам ставил, что любит он нас, как своих родных детей. Как он к своим относился, да и были ли у него свои, не знаю; но пестовал он нас, когда целой ватагой по Волге и на Кавказ возил (о чем будет еще рассказано) с неустанною лаской.

И ещё я помню, через шестьдесят пять лет, как он окликнул меня снизу, через этаж на школьной лестнице „Володя!“, чтобы сообщить приятную для меня весть. Прозвища мои были ему неизвестны; никто, кроме него, этим простым уменьшительным именем меня не звал. Было это перед самым окончанием училища. Он уже

три года, как нам не преподавал, но участвовал в комиссии, оценивавшей наши экзаменационные „сочинения“ по русской литературе. „Володя, – сказал он мне, на лестнице меня догнав и обращаясь ко мне на ты, чего другие учителя уже не делали, – мне следовало бы молчать, узнаешь завтра, но ты получил пятерку, твоё сочинение – лучшее“, и он крепко меня обнял. Радость его была подлинна; была чище и выше, чем моя».

Обращение к выпускнику по имени и «на ты», доверительно, как к коллеге одного возраста, необычно не только в столь строгом учебном заведении, каким было Реформатское училище, но и в современной школе, где учеников всех возрастов называют преимущественно по фамилии. (Преподавая в школе № 636, расположенной в стенах бывшего Реформатского училища, я с первых дней, ещё не прочтя замечательной книги Владимира Вейдле «Зимнее солнце»⁵, называл всех своих учеников только по имени, но обращения «на ты» удаивались только мальчики, которых удавалось вовлечь в мои внеклассные краеведческие исследования. В классе мы общались только «на вы»!).

П. И. Бюел был любим своими учениками и как умелый экскурсовод, знакомивший их не только с окружавшим училище городом, его достопримечательностями, учебными заведениями и промышленными предприятиями, но и с Россией, организуя поездки воспитанников на Волгу, на Кавказ, на Бородинское поле.

В сравнительно недавнем прошлом, когда активно действовало Городское экскурсионное бюро при Управлении культуры Ленгорисполкома, да и ныне при широко развитой системе коммерческого экскурсионного дела организация подобных экскурсий – дело не очень сложное, были бы деньги. Но школьные экскурсии тем и отличаются от предлагаемых различными турагентствами и туроператорами, что готовятся и проводятся силами школьного учителя истории или географии и школьного психолога или социального педагога для коллектива хорошо знакомых им детей. И готовятся такие экскурсии на уроках соответствующих школьных предметов и на посвящённых экскурсиям «классных часах». Таковы были, очевидно, и экскурсии Павла Ивановича Бюела.

*Группа преподавателей вечерних курсов для взрослых.
Первый слева – статский советник, преподаватель мужской гимназии
Императорского Человеколюбивого общества, преподаватель училища
при Реформатской церкви, секретарь Общества вспоможения бывших
и настоящих воспитанников мужской гимназии Императорского
Человеколюбивого общества П. И. Бюел. Фото нач. 1910-х гг.*

Из фонда ЦГАКФФД

В небольшой брошюре П. И. Бюел рассказывает об организации и проведении своих дальних экскурсий, план которых обсуждался с директором училища в начале каждого учебного года⁶.

«Мысль посетить все важнейшие места, связанные с воспоминаниями о героических подвигах участников Отечественной войны принадлежит всецело г-ну директору училища А. А. Броку. То, что участники экскурсии увидели и узнали, превосходит во много раз первоначальные предположения руководителей. Почти в каждом городе, где пришлось экскурсантам останавливаться, их встречали местные любители и знатоки старины, которые с глубоким патриотическим чувством раскрывали перед глазами учеников картины из

эпохи великой “народной” войны. Трудно передать словами те чувства, с которыми мы все слушали в Полоцке, Витебске, Смоленске, Вязме или на Бородинском поле рассказы о сражениях русских с французами, о подвигах отдельных лиц или полков, причём места событий были перед нашими взорами.

Были минуты, когда казалось, что видишь перед собой тех, о ком с увлечением говорили наши руководители, – и в этом мне признавался один из наших учеников! Всего, что мы пережили и перечувствовали в эти дни, при всём желании не пересказать...».

П. И. Беюл подчёркивает немаловажное обстоятельство, способствующее успеху дальнейшей экскурсии: участие в ней человека, не раз бывавшего в местах предстоящей поездки, будь то приглашённый в поездку знаток истории этих мест, или не уступающий ему своими знаниями организатор поездки – школьный учитель, обладающий к тому же мастерством общения со своими непоседливыми питомцами. Как бы ни готовились экскурсанты к поездке в стенах школы, им предстоит долгий путь к цели своего путешествия в поезде или в автобусе, и это время следует использовать с толком. «Первый день ушел на предварительные беседы о тех местах, где мы должны были остановиться и по поводу тех событий, какие нам предстояло вспомнить, – пишет далее Беюл. – Кроме путеводителей, планов и карт был взят с собой целый ряд новых изданий, посвящённых Отечественной войне <1812 года>, и вскоре вагон превратился в библиотеку-читальню...». В каждом пункте, где были намечены остановки, по предварительной договоренности экскурсантов из Петербурга встречали представители городских властей и одного из местных учебных заведений, которые после обеда и отдыха проводили экскурсию по городу и местам, связанным с событиями 1812 года. 30 марта «...около 5 ч. дня прибыли на ст. Бородино. Здесь вышло недоразумение с лошадьми и поэтому решено было идти к памятнику пешком (вёрст 7, 5). Во главе экскурсии стал начальник станции Петр Павлович Богданович, который с выдающейся любезностью и заботливостью отнесся к ученикам во всё время нашего пребывания в Бородине. Дружно и быстро пошли экскурсанты, сначала по полотну железной дороги, мимо памятника Л.-Гв. Павловского полка, а затем лесом, и вскоре вышли на Бородинское поле. Вдали виднелся

знаменитый “Памятник 1812 года”, направо тянулось довольно большое селение (Утицы), а налево на фоне вечернего неба краснели строения Спасо-Бородинского монастыря. Пошли прямо по полю. Дорога была трудная: местами снег, местами лед, а больше всего разрыхленная весенними водами почва, пересекаемая вздувшимися, яростными потоками. Всеми способами помогали друг другу, перебираясь с кочки на кочку, с камешка на камешек, и наконец пришли к р. Колоче (тут же текут речки Огник, Война; точно здесь и должно было быть сражение!). Единственный мост через нее был в таком состоянии,

*Училище при немецкой
реформатской церкви.
Фото 1912 г.*

что мы решили перебраться через реку иным путем: перекинули через речку бревно, двое стали на разных берегах и держали шест, вместо перил, а остальные благополучно перебрались. По деревне (Семеновская) идти было легче: всюду набросаны кучки песка и щебня для починки дороги к предстоящим августовским торжествам. Теперь уже оставалось до памятника версты полторы: их прошли напрямик, по вспаханному полю; попадали в ямы, рытвины, проваливались в жидком, мокром снегу, но тем радостнее, тем полнее было чувство, когда все, наконец, обнажили головы у великого исторического памятника. Всё поле перед нами! У самого памятника могила Багратиона, далее монастырь и храм на месте геройской кончины храброго генерала Тучкова 4-го, дальше Шевардинский редут, Семеновские флеши, а там ещё укрепления и еще... Да, ведь это Бородино!.. Здесь пало около 50 тысяч русских и более 30 тысяч французов! Вечная им память!.. Размахивая руками, указывая по разным направ-

лениям, плавно и картинно излагает П. П. Богданович историю великого дня, а молодежь слушает, боясь проронить слово... Но пора и в обратный путь».

Участник всех экскурсий Беюла Владимир Вейдле в своих воспоминаниях рассказывает об одной из длительных летних поездок, начало которых совсем не похоже на описание учителя: «С моим детством и ранними школьными годами мне проще всего распрощаться, вспомнив нашу летнюю школьную поездку по Волге и на Кавказ. Организовал её и руководил ею в 1907 году, при переходе из третьего в четвертый класс, учитель наш, любвеобильный Павел Иванович, уже помянутый мной. Мне было тогда двенадцать, а Шуре, вместе с большинством моих одноклассников ездившему с нами, тринадцать. Замысел экскурсии, продолжавшейся недели три, был отчасти, разумеется, дидактическим: географией России нам как раз и предстояло заняться в следующем учебном году; но Павел Иванович не такой был человек, чтобы о нашем удовольствии забыть. Нарочитой дидактикой он дорожных наших радостей не отягощал, заботясь скорее о том, чтобы путешествие пришлось нам по душе и стоило бы недорого. Цена его и в самом деле никого не отпугнула. Было нас человек тридцать, прихватили, кажется, кой-кого из параллельного гимназического отделения. До Москвы отведен нам был вагон третьего класса; взрослых же, из родителей, например, никого с собой не взяли, – никого, за одним, крайне меня смущавшим исключением. С нами ехала, пока что, правда, мало кем замеченная, в соседнем вагоне второго класса, моя мать. Упростила-таки Павла Ивановича! А я, как ни бился, отговорить ее не смог. Что ж мне теперь скажут мои товарищи? Маменькиным сынком обзовут, дразнить меня будут. Их-то ведь родители с ними не едут, отпустили их; ведь мы уже большие; и зачем только она это вздумала?»

Мысли эти, впрочем, больше меня мучили по дороге на вокзал; когда же я оказался среди своих спутников, и особенно, когда тронулся поезд, начался такой галдеж, такое беганье из одного конца вагона в другой, такое, при моем участии, неотвязное приставанье к Павлу Ивановичу с бестолковыми расспросами, что я уныние свое забыл и стал сломя голову шуметь и веселиться. Так никто всю ночь и не заснул».

Циркуляры С.-Петербургского учебного округа фиксируют продвижение Павла Ивановича Беюла по Табели о рангах и награждения, положенные учителям: коллежский асессор с 18.11.1898, через четыре года в тот же месяц и день – надворный советник, ещё через четыре года – коллежский, с 18.11.1910 – статский советник (чин действительного статского советника учителю был не положен); награждение орденом Св. Станислава 2-й степени 1 октября 1910 года. После закрытия в 1918 году гимназии Императорского Человеколюбивого общества и Реформатского училища Павел Иванович несколько лет преподавал в 34-й Единой советской трудовой школе (наб. р. Мойки, 104), в 1930-х годах работал бухгалтером и умер, как и его жена Мария Ивановна, в 1942 году в блокадном Ленинграде⁷.

Дочь П. И. Беюла Ольга (1901–1985), по мужу Гальперина, артистка, мастер художественного слова. Сценическую деятельность начала в 1920 году в 6-й труппе Политпросвета при Петроградском военном округе. В 1922 году окончила Школу русской драмы при Академическом театре драмы в Петрограде. Работала в Большом Драматическом театре (1922–1932), Театре юных зрителей (1932–1935), в Ленинградском Новом ТЮЗе (1935–1945). С 1929 года выступала на эстраде, став в 1939 году лауреатом Ленинградского конкурса «Владимир Маяковский на концертной эстраде». Одна из первых крупных работ Ольги Павловны – «Гранатовый браслет» А. Куприна, за которую исполнительница в 1940 году удостоена звания Заслуженной артистки РСФСР; этому литературному вечеру предстояла долгая жизнь на концертной эстраде, а для начала – испытание на многочисленных фронтовых эстрадах. С 1945 года артистка – чтец Ленинградской филармонии, с 1957 года – солистка филармонического отдела Ленконцерта. В послевоенном репертуаре артистки – «Мать» и другие произведения М. Горького, «Разгром» А. Фадеева, «Бедные люди» Ф. Достоевского, «Евгения Гранде» О. де Бальзака, «Первый учитель» Ч. Айтматова.

Почти всю жизнь П. И. Беюл прожил в доме 15 на Крюковом канале. Жалко, что краеведы, опубликовавшие о Крюковом канале немало статей и даже парочку книг, не обратили внимания на этого незаурядного человека, в память о котором написана настоящая статья.

¹ Циркуляры С.-Петербургского учебного округа – СПб., 1901. – С. 465.

² Там же. 1897. – С. 654.

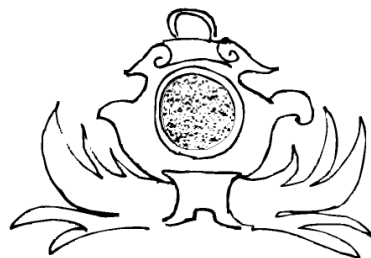
³ Там же. 1897. – С. 34.

⁴ Там же. 1912. – С. 218; 1913. – С. 471.

⁵ *Вейдле В. В.* Зимнее солнце : из ранних воспоминаний. – Вашингтон: Viktor Kamkin Inc, 1976. На русском языке опубл. на портале Либрусек.

⁶ Общеобразовательная поездка «В память 1812 г.» и другие экскурсии, совершённые воспитанниками училища при реформатских церквях в С.-Петербурге в 1911–12 учебном году под руководством преподавателя П. И. Беюла. – СПб., 1912. – 21 с. Поездка на Бородинское поле началась 24 марта и продлилась семь дней, что по срокам в точности совпадает с предстоящими в 2013 году весенними школьными каникулами.

⁷ Блокада, 1941–1944, Ленинград : Книга Памяти. Кн. 3.

Память места

*Алексей Павлович Векшин,
биолог, действительный член
Русского географического общества*

Исторический вид города Ниена и крепости Ниеншанц*

В период Северной войны русские войска завоевали в Ингерманландии две важные крепости на Невском водном пути, который соединял Финский залив и Ладожское озеро. В октябре 1702 г. шведы потеряли Нотеборг в верховьях Невы. 1 мая 1703 г. на берегу Невы в устье реки Охты пала крепость Ньюенсканс (Ниеншанц, Канцы). До 1917 года и позже, в советское время, эта крепость и город Ньюен (Ниен) не были достаточно актуальной темой, поскольку никак не вписывались в легенду о создании Петром Великим столицы среди болот.

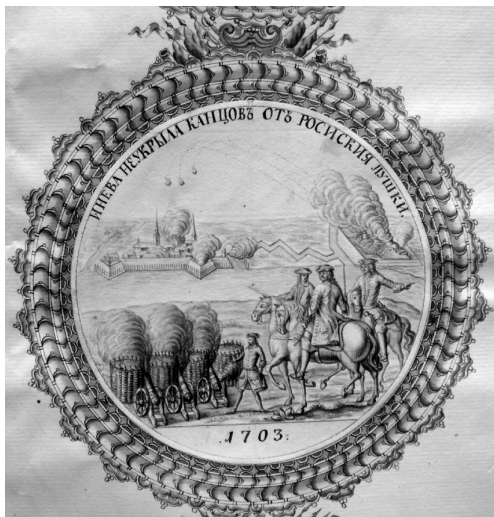
* Статья написана А. П. Векшиным на основе выступления на тринадцатой ежегодной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» (5–7 апреля 2011 г.)

В работах о Северной войне упоминалось только об осаде и обстреле крепости русскими войсками, после чего «неприятель крепость сдал»; о том, какова была эта крепость, не распространялись. Были опубликованы две фундаментальные работы, основанные на материалах из архивов Швеции и Финляндии^{1, 2}. Все более поздние исследования основывались на этих работах.

По окончании военных действий в честь победы России в Северной войне архитектор Б.-К. Растрелли в 1721 г. по поручению Петра I подготовил модель памятника. Памятник должен был представлять собой Триумфальный столп, на котором были бы увековечены наиболее значительные военные победы. Последующей работой по отливке деталей руководил А. К. Нартов, механик и изобретатель, заведующий царской токарней. Монумент не был воздвигнут, но детали к нему сохранились и представляют собой цилиндры и медальоны круглой формы, на внешней плоскости которых помещены барельефы, а также копии, с которых отливали эти барельефы из бронзы. На большинстве барельефов были изображены панорамы конкретных городов и крепостей с эпизодами сражений. По краю барельефов расположены лаконичные фразы в стилистике «символов и эмблематов», с указанием географического пункта и года. Это своеобразный характер надписи, когда считалось, что «символ есть краткая надпись, состоящая в остроумном изречении немногих слов».

В рукописном альбоме А. К. Нартова «Театрум махинарум»³ помещены оригинальные рисунки к двенадцати барельефам-медальонам. Рассмотрим один из шести рисунков, размещенных на листе 81 этой рукописи (Рис. 1). С него, возможно, был изготовлен литой бронзовый копир, хранящийся в настоящее время в Государственном Эрмитаже (Рис. 2). Этот копир неоднократно экспонировался на современных выставках, однако сюжет его не был детально раскрыт^{4, 5}. Не был назван и изображенный на нем город. В каталогах он значился в описаниях только как «небольшой город». Однако рисунок и копир выполнены в память победы над Ниеншанцем, иконографическое изображение которого, как считалось, до нас не дошло. Рисунок уникален еще и тем, что сделан современником, который видел Ниеншанц, очевидно, до его разрушения. Рисунок выполнен неизвестным профессиональным художником карандашом и тушью на ватмане с тщательной проработкой мельчайших деталей,

Рис. 1. Рисунок, изображающий осаду Ниеншанца

*Рис. 2. Копир с изображением осады Ниеншанца
(зеркальное изображение рисунка).*

*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, инв. № ЭРТх-573.
Фото: К. В. Сиявский, С. В. Сутова.*

имеет круглую форму, диаметр 116 мм, вырезан и вклеен в трафаретную рамку.

Подтверждением тому, какой именно город изображен на рисунке, можно считать следующее: надпись «И Нева не укрыла Канцов от Росиския пушки. 1703»; соответствие в расположении на нашем рисунке и на схематических изображениях на шведских планах и картах двух высотных доминант — слева шпиль немецкой церкви, справа — шведско-финской⁶. Еще одним подтверждением является описание, которое дает О. П. Беляев в книге «Кабинет Петра Великого» (СПб., 1800 г.). Он пишет: «Медаль [медальон. — А. В.] представляет осаду Канцова, с надписью: “и Нева не укрыла Канцова от Российския пушки”» и далее «При облежании сия крепости, лежавшия при самой Неве реке, и служившия границею между Россиею и Швециею, военачальствовал Генерал-Фельдмаршал Шереметев, ... а флотилиею ... для недопущения шведских кораблей к Канцову, управлял Сам Государь Петр Великий, имея в то время чин Капитана Бомбардирского. И так, по непродолжительной осаде, крепость Ниеншанц или Канцова взята российским оружием на договор Апреля 23 дня, 1703 г.»⁷. Теперь рассмотрим подробно, что именно изображено на рисунке (Рис. 3).

На первом плане мы видим группу из трех всадников во главе с Петром I. Он изображен со шпагой в руке. Вторым, скорее всего, является Б. П. Шереметев, который 26 апреля 1703 г. подошел к Ниену и начал осадные работы. Третьим можно считать А. Д. Меншикова, о котором О. П. Беляев не говорит. Губернатор Ингерманландии А. Д. Меншиков «поехал в путь в Ниен» 28 апреля и военачальствовал при осаде крепости.

На рисунке справа от крепости мы видим контур нового земляного вала с тремя бастионами, показанный в виде двойной ломаной линии. Петр I дал высокую оценку новому укреплению: «Новый вал, ниже крепостного вала, сделан изрядною фортификацией, только дерном не обложен, а ободом больше Ругодива [Нарвы. — А. В.]»⁸.

Медальон-барельеф, о котором пишет О. П. Беляев, не сохранился. В Эрмитаже хранится только копир. Между рисунком и копиром существуют два отличия. Первое — это отсутствие на рисунке второй буквы «с» в слове «росиские», второе отличие — это изображение

Рис. 3. Деталь рисунка с видом города и крепости

на рисунке слева четырех туров* рядом с пушками, где стоит солдат с пальником, чего нет на копира. То есть, рисунок, скорее всего, являлся эскизом, который был «до-работан» при изготовлении известного нам копира.

В правом верхнем углу рисунка — три мортиры стреляют залпом по крепости. Это видно по траектории полета снарядов. В точке их падения видны следы взрывов в виде языков пламени и клубов дыма. Верхнюю центральную часть изображения занимает крепость Ниеншанц.

Мыс, образуемый при впадении реки Охты в Неву, был местом расположения шведской крепости в XVII в. (с 1611 г.) и до мая

---

* Туры — высокие плетеные корзины без дна, укрепленные на кольях и наполненные землей. Использовались как защитное укрытие от пуль и снарядов.

1703 г. По-шведски крепость называлась Nyenskans, по-немецки — Nyenschants и Newaschanze, по-фински — Nevanlinna, по-русски — Канцы, Шанцы, Новые Канцы, Ниеншанц, по-голландски — Skanz ter Nyen. Под прикрытием крепости располагался город. Этот портовый купеческий город был нанесен на карты мировых морских навигационных атласов (атлас И. Кейлена и атлас «Зеркало мореплавания» Л. Вагенера). Ежегодно в августе здесь проходила трехнедельная международная ярмарка. Купцы из Германии, Голландии, России, Дании, Англии съезжались сюда на кораблях со своими товарами.

На рисунке пространство за крепостью плотно застроено зданиями. Это город, который представлен в виде обобщенного образа. Показано порядка 12 домов разной высотности и два церковных шпиля. Основываясь на имеющихся описаниях, мы знаем, что здесь находились немецкая и шведская церкви, здание ратуши, дом пастора, школьные здания, таможня, налоговая палата, две аптеки, почта, госпиталь, городской суд, а также частная застройка. На заднем плане — обширные не покрытые лесом земли, на которых представлены дикорастущие травянистые растения местной флоры, являющиеся индикаторами фенологической фазы весны. Мы смотрим на крепость с противоположного берега Невы, примерно с точки съезда с современного Большеохтинского моста. Река Нева показана в виде множества ровных, близко расположенных друг к другу волнистых линий. Стрелка указывает направление течения Невы. За рекой — крепость, которая прикрывает город. К нам обращены (слева направо) бастионы Мельничный, Гельмфельтов и рavelин Большой. С двух последних идет ответный огонь. Это видно по направлению клубов дыма, исходящих от орудий, которые стоят на барбетах (насыпных площадках). Основания валов защищены палисадом (хорошо виден частокол из заостренных кольев) и обрубом (обшивка, препятствующая размыву земляных крепостных валов), который представлен сплошной линией в основании палисада. Наверху, по углам эскарпов бастионов, видны сторожевые башни или, как их еще называли, «будки», о которых мы знаем из письма вице-адмирала Крейса Петру I из Амстердама за 1703 г., где он желает царю успеха в сражении за Ниеншанц и продолжает:

«...дабы стандарт [т.е. штандарт — личное знамя царя] мог быть совершен и распушен с Невских башен и бастионов...»⁹.

Простой на вид сюжет рисунка наполнен обширной информацией. Время года — самый конец апреля — показано с помощью фенологических индикаторов. По фенологическому календарю начало весны принято считать с появления определенных видов дикорастущих травянистых растений. Такие растения мы видим там, где показана суша и, в частности, на переднем плане под ногами всадников. Это представители местной весенней флоры Северо-Запада России. Поражает, с какой точностью показаны *Tussilago farfara* L. (мать-и-мачеха обыкновенная) в фазе цветения, *Arctium lappa* L. (лопушник большой) и дикие злаки семейства *Poaceae* с ланцетными листьями. Они нарисованы в той фазе развития, которая в ботанической терминологии имеет название «пробуждение весны» и в северо-западном регионе наступает в конце апреля — начале мая, когда и происходила осада крепости. Сам факт введения растений-индикаторов в сюжет немаловажен, поскольку во время создания рисунка интерес к фенологическим наблюдениям основывался на прямом указании Петра I проводить такие наблюдения по всем регионам России и вести записи, собирать гербарий растений в соответствующей фазе, а собранные данные пересылать в Петербург.

Композиция рисунка имеет определенную символику. Некоторые предметы, изображенные на рисунке и на рельефе, представлены в количестве трех единиц. Число «три» эквивалентно множеству и может символизировать «большое число» (скопление) — три пушки, три мортиры, три ядра — этим условно сказано, что в осаде крепости принимало участие большое количество орудий, и было выпущено много снарядов. Одновременно выпущенные из мортир снаряды свидетельствуют о том, что стреляли залпами. Расположение батареи из трех пушек слева, трех мортир справа и трех снарядов в верхней части рисунка образует треугольник — универсальный символ. Это совокупность трех объектов, используемая в иконографии, чтобы показать тесно связанные идеи. «Три» часто воспринималось как знак удачи, как выход из противостояния (здесь — победа над противником).

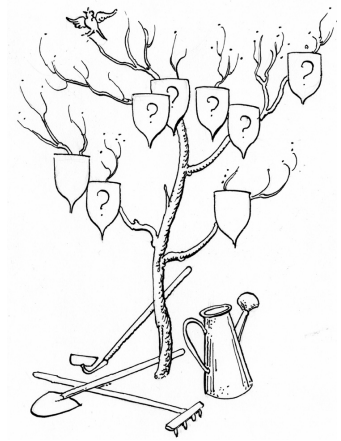
Общеизвестно стремление Петра I сделать Россию похожей на Европу. Относилось это и к церковной архитектуре. Колокольня и

шпиль Петропавловского собора в Санкт-Петербурге построены не в традициях русской церковной архитектуры. Очевидно, что Петр I, решив перенести город на новое место, хотел, чтобы колокольня Петропавловского собора стала самой яркой приметой своей столицы. Возможно, что и обобщенный образ шведского города Ниена, изображенного на рисунке, был легко узнаваем современниками в XVII в. Отметим, что даже в первой половине XVIII в. в атласе И. Кейлена в дельте Невы имеется надпись «Nyenskant $\geq$ of Petersburg», где географическое название Ниеншанц написано более крупным шрифтом, чем название Петербург, и между ними стоит знак сравнения, означающий «больше или равно», а союз «of» в переводе с голландского означает «или», т. е. «Ниеншанц или Петербург».

В 2011 году исполнилось 400 лет со дня основания крепости. Сейчас, после проведения археологических исследований на стрелке Охтинского мыса, забытый и разрушенный Ниеншанц вновь привлекает к себе внимание.

1. *Гиппинг А. И.* Нева и Ниеншанц. – СПб., 1909. – Ч. 1, 2.
2. *Bonsdorff C., van.* Nyen och Nyenskans: hystorisk skildring. – Helsingfors, 1891.
3. *Нартов А. К.* Театрум Махинарум : рукопись. 1755. – РО РНБ. Эрмитаж-160. – Л. 81.
4. Основателю Петербурга: каталог выставки. – СПб., 2003. – С. 380.
5. Путь Петра от Руси до России: каталог выставки. – СПб.; М., 2009. – С. 3.
6. *Лапто-Данилевский А. С.* Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником. – СПб., 1913.
7. *Беляев О. П.* Кабинет Петра Великого. Отделение 1. – Т. 1. – СПб., 1800. – С. 155.
8. *Шарымов А. М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 г.: книга исследований. – СПб., 2004. – С. 411.
9. Там же. – С. 407.

Родословная

*Владимир Егорович Павлов,
профессор Санкт-Петербургского
государственного университета
путей сообщения*

Петр Великий и Строгановы

Среди воспитанников первого выпуска Института корпуса инженеров путей сообщения был Сергей Григорьевич Строганов. Его братья Александр и Николай, вошедшие в состав первого приема в Институт, после пребывания в армии в Институт не возвратились и в список выпускников 1813 года не включены. В 1812 году они покинули Институт в чине прапорщика, проучившись 2 года, не закончив курс наук.

Что мы знаем о Строгановых?

Одним из родоначальников династии Строгановых стал Федор Лукич (?–1497), разбогатевший крестьянин из Новгорода, правнук некоего Спиридона (?–1395), создавший «соляное дело» в Прикамье на берегах реки Усолки, притока Камы. Дело Федора продолжил младший сын Аника (1497–1569). В 1515 году он поставил солеварню близ Сольвычегодска (в исторических актах упоминается с 1492 года как Усолье, затем Соль-Вычегодская, статус города – с 1796 года с названием Сольвычегодск).

Соляной промысел принес Строганову огромное состояние – Аника стал главным солепромышленником на Вычегде. Его привлек необжитой Пермский край, где Строганов основал первое поселение на Каме – село Пыскор.

В 1560 году в этом селе был заложен Спасо-Преображенский монастырь. В 1564 году в устье реки Яйвы Строганов создал «городок Орлов», рядом с соляными промыслами.

В 1570 году сын Аники Григорий Аникиевич перевел жителей Пыскора в Орел-город. Здесь началась история нового центра Уральской вотчины Строгановых.

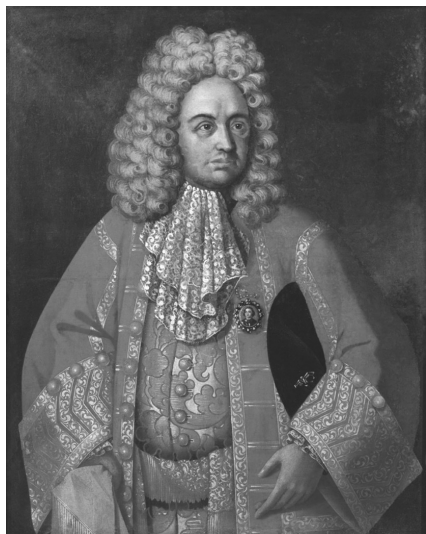
В 1606 году внук Аники Никита Григорьевич Строганов (1560–1616) основал очередной соляной промысел – Новое Усолье, пришедшее на смену Орлу-городу, где промысел захирел.

Единственным мужским представителем пермской линии Строгановского рода в начале XVIII века был Григорий Дмитриевич (1656–1715) – «именитый человек», ставший прапрадедом молодых Строгановых, учившихся в Институте корпуса инженеров путей сообщения.

В 1688 году Григорий Дмитриевич объединил в своих руках все части огромного родового имения: 9,5 млн. десятин земли, 20 городков, 200 деревень и около 15 тысяч крепостных. Эти владения он еще расширил за счет новых пожалований от Петра Великого. В 1715 году, перед кончиной, у него было уже 50 тысяч крепостных, 162 солевых варницы, дававших в год более 1,5 млн. пудов соли, что способствовало получению в год около 180 тысяч рублей дохода (огромной суммы денег того времени). Григорий Дмитриевич Строганов был крупнейшим отечественным солеваром и поставщиком соли.

В 1720–1760-х годах Строгановы занялись еще одним выгодным делом – металлургией. В 1726 году был открыт первый меде-

*Никитин Р. Н. Портрет
Григория Дмитриевича
Строганова. Не позднее 1715.
Одесский художественный музей*

*Никитин Р. Н. Портрет
Марии Яковлевны Строгановой.
1721–1724. ГРМ*

плавильный завод, а позже – чугуно-литейные и железоделательные заводы. В руках Строгановых сосредоточились железные и медные рудники, лесопильные заводы, деревообделочные заводы. Наряду с соляной промышленностью металлургические заводы давали Строгановым более полумиллиона рублей дохода.

От первой жены – Вассы Ивановны Мещерской Григорий Дмитриевич детей не имел. Второй женой Григория Дмитриевича Строганова была Мария Яковлевна Новосильцева (1678–1734), первая статс-дама императрицы Екатерины I. Существует легенда, что фамилию Строгановых получили дети, рожденные в результате внебрачной связи М. Я. Новосильцевой с Петром Великим. Все они, Александр (1698–1754), Николай (1700–1758) и Сергей (1707–1756), были записаны в род Строгановых.

Эта версия изложена в «Записках князя Петра Долгорукова», изданных в 1867 году в Женеве на французском языке (русский

перевод опубликован в 2007 году в Санкт-Петербурге издательским Центром «Гуманитарная Академия»).

Толки могли быть вызваны исключительной заботой Петра I о Строгановых – детях М. Я. Новосильцевой.

Александр Григорьевич родился в селе Гордеевка под Нижним Новгородом, где находилось одно из имений его отца. В Нижний Новгород доставлялась вся вываренная на строгановских варницах соль, а отсюда соль развозилась по многим городам России. Недалеко от места впадения Оки в Волгу находилось село Гордеевка, где стоял дом Строганова с каменной церковью. Александру исполнилось 17 лет, когда умер отец, и он стал старшим в роду мужчиной, обязанным заботиться о сохранении и развитии соляного дела, стать опорой всех хозяйственных дел. В 1722 году, когда Александру было 24 года, Петр I пожаловал ему, как и его младшим братьям, баронский титул.

Братья Строгановы стали первыми из российских граждан, не принадлежавших по формальным признакам к сословной элите общества, удостоенными такой чести – быть баронами (младшему Строганову – Сергею было тогда всего 15 лет).

В мае 1722 года Петр I отметил свое 50-летие в нижегородском доме Строгановых (В это время Григория Дмитриевича уже не было, но была жива Мария Яковлевна).

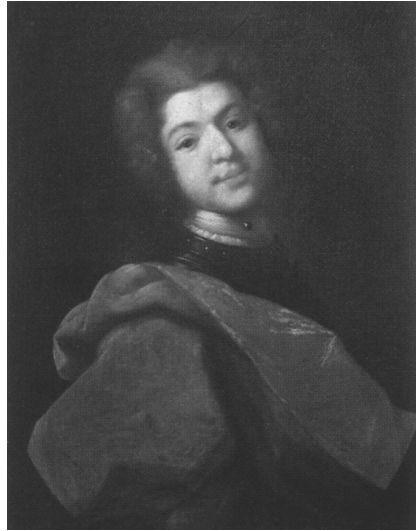
Александр сопровождал Петра Великого до Симбирска, когда император из Нижнего Новгорода отправился в персидскую экспедицию (в так называемый «Низовой поход»).

Николай Григорьевич родился в 1700 году в Воронеже, где находились в то время его родители. Григорий Дмитриевич неоднократно посещал воронежские верфи, где строились военные корабли на его средства и где он выбирал корабли для перевозки соли в южные и северные районы страны по Оке, Волге и другим рекам. Восприемником Николая был сам Петр I, находившийся в Воронеже и лично руководивший постройкой кораблей. Петр щедро наградил своего крестника новыми земельными владениями в Приуралье.

Сергей Григорьевич родился в 1707 году в Москве, в то время, когда готовилось решение Петра перенести столицу в юный Санкт-Петербург. Петр I в это время находился в Москве и был обрадован рождением Сергея. Трехэтажный дом Строганова стоял близ

*Франкфурт. Портрет барона
Александра Григорьевича
Строганова. Кон. 1730-х гг. ГИМ*

*Никитин И. Н. Портрет
Сергея Григорьевича Строганова.
Около 1726 г. ГРМ*

впадения Яузы в Москву-реку – Григорий Дмитриевич с 1706 года жил в Москве. В доме Строганова Петр I проводил в 1722 году ассамблеи. Мать Сергея, баронесса Мария Яковлевна, умерла в Москве в 1733 году и была похоронена в храме Святого Николая. В 1742 году Сергей Строганов переехал в Санкт-Петербург.

Удивительно, что установленный Петром I принцип обязательности государственной службы для дворян почему-то не распространился на баронов Строгановых. Только после смерти императора молодые бароны занялись государственной службой, при этом получали неизменную поддержку императриц России в лице Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II, а также императора Петра II.

Александр в 1725 году стал камергером Двора Екатерины I, позже был удостоен чинов генерал-поручика и тайного советника (третий чин Табели о рангах), был награжден орденами св. Александра Невского и св. Анны I степени. Николай дослужился до высокого

чина тайного советника и был награжден орденами св. Александра Невского и св. Анны I степени. Сергей дослужился до воинского звания генерал-поручик и получил те же ордена, что и его старшие братья.

Известно, что Елизавета Петровна неоднократно посещала дом Сергея Строганова в Москве. В сентябре 1753 года в течение трех дней императрица праздновала именины Сергея в его доме. В награду за гостеприимство она подарила ему, в то время уже камергеру Двора императрицы, рубиновый перстень с бриллиантами.

Александр Григорьевич в 1723 году женился на княжне Доминике Васильевне Шереметевой. Петр I на свадьбе был посаженным отцом жениха, окружив Александра своим особым расположением. Николай Григорьевич в 1726 году женился на Прасковье Ивановне Бугурлиной. Его дочь Мария вышла замуж за графа М. К. Скавронского, что породнило Строгановых с семьей Екатерины I. Сергей Григорьевич в 1728 году женился на Софье Кирилловне Нарышкиной. Так появилась еще одна «ниточка», связавшая Строгановых родственными узами с императорской семьей (мать Петра I – Наталья Кирилловна Нарышкина).

И в дальнейшем внуки, правнуки и праправнуки «именитого человека» Григория Дмитриевича Строганова постоянно получали благоволение и поддержку царствующих особ.

Братья Строгановы в царствование Петра II владели каждый 40000 крепостных. Бароны Александр и Сергей жили в Москве, а Николай – в своих поместьях, где занимался хозяйственными делами.

Три брака Александра Григорьевича (вторая жена – Елена Васильевна Дмитриева-Мамонова, третья – Мария Артемьевна Исленьева) не дали ему наследника, продолжателя рода баронов Строгановых по старшей линии. Сыновья Михаил и Самуил умерли в детском возрасте; дочь Анна вышла замуж за князя М. М. Голицына, а Варвара – за князя Б. Г. Шаховского.

Единственный сын Сергея Григорьевича, Александр Сергеевич (1733–1811), вошел в историю России как владелец одной из архитектурных жемчужин Санкт-Петербурга – Строгановского дворца, построенного по заказу Сергея Григорьевича в 1754 году, за два года до его смерти.

Александр Сергеевич стал достойным наследником своего отца, меценатом и собирателем огромной коллекции картин знаменитых художников и скульптурных произведений.

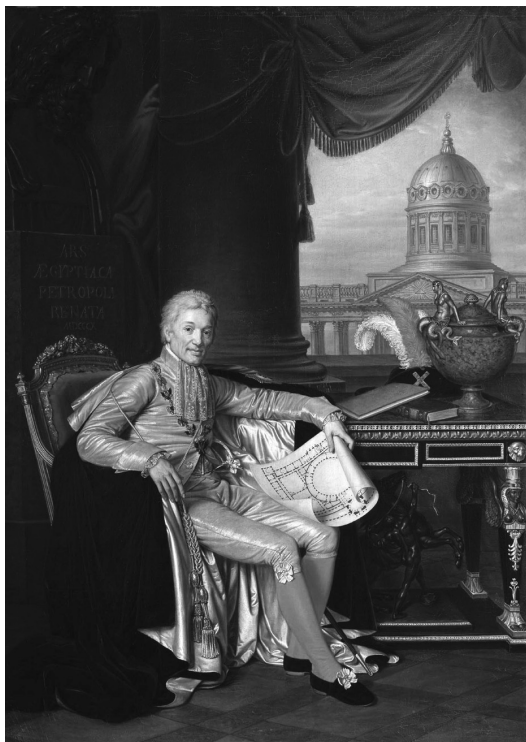
Важнейшим делом А. С. Строганова стало руководство строительством Казанского собора по проекту А. Н. Воронихина (собор был освящен 15 сентября 1811 года, за 12 дней до смерти Александра Сергеевича).

Александр Сергеевич Строганов в 1761 году, находясь в Вене по поручению императрицы Елизаветы Петровны (по случаю бракосочетания принца Иосифа), был удостоен высокой чести – стал графом Священной Римской им-

перии и, возвратившись на родину, получил высочайшее распоряжение – пользоваться графским титулом в России.

Император Павел I в 1798 году возвел Александра Сергеевича в графы Российской империи. Тогда же Строганов стал обер-камергером императорского Двора, а в январе 1800 года был назначен президентом Академии художеств и Главным директором Публичной библиотеки.

Правнук Александра Сергеевича Александр Павлович (1794–1814) завершил мужскую линию младшей ветви Строгановского рода.

Варнек А. Г. Портрет президента Академии художеств А. С. Строганова. 1814. ГРМ

Продолжателями рода Строгановых по средней линии, идущей от Николая Григорьевича, стали его сыновья Григорий (1740–1789), Сергей (1738–1771) и Александр (1740–1789). Однако, Григорий не оставил мужского потомства, а сын Сергея Александр (1771–1815) стал последним в роду Строгановых по линии своего отца Сергея Николаевича Строганова.

С 1815 года продолжилась только ветвь Строгановского рода по линии Николая Григорьевича, обязанная своему существованию Александру Николаевичу, у которого был один сын Григорий и пять внуков (Николай, Сергей, Александр, Алексей и Валентин). Григорий Александрович Строганов (1770–1857) во время коронации Николая I в 1826 году получил графский титул, который передал своим потомкам.

Своим продолжением строгановский род обязан Сергею Григорьевичу (1794–1882) – у него было четыре сына и внук Сергей Александрович (1852–1923), завершивший род Строгановых по линии Сергея Григорьевича, а также Александру Григорьевичу (1795–1891), у которого было три сына, из которых Григорий Александрович (1824–1878) завершил свою линию рода. Графы Сергей Григорьевич, Александр Григорьевич и Николай Григорьевич (1793–1824) учились в Институте корпуса инженеров путей сообщения, но только Сергей Григорьевич вошел в состав первого выпуска Института 1813 года. Братья Александр и Николай, как уже упоминалось, уйдя на военную службу в 1812 году, в Институт не возвратились.

Из графской линии Строгановых наибольшую известность своими делами и поступками приобрел граф Павел Александрович (1772–1817), сын Александра Сергеевича Строганова. Учитывая его блестящее образование и высокую культуру, Александр I приблизил к себе Павла Александровича и по его предложению образовал Негласный комитет, в состав которого вошли В. П. Кочубей, А. А. Чарторижский, П. А. Строганов и его двоюродный брат Н. Н. Новосильцев (Николай Николаевич Новосильцев (1762–1838) – сын Марии Сергеевны, сестры Александра Сергеевича Строганова).

Негласный комитет был неформальным (и неофициальным) советом при императоре в период его реформаторских увлечений. 9 ноября 1803 года прошло последнее заседание Негласного комитета,

и он был распущен. Видимо, у императора появились свои планы, к реализации которых он привлек М. М. Сперанского.

Граф П. А. Строганов участвовал в сражениях с наполеоновской армией. В 1807 году он получил звание генерал-майора, а в январе 1808 года стал командиром лейб-гвардии Измайловского полка. За проявленную храбрость в сражениях с турками был награжден орденами св. Анны I степени и св. Владимира II степени. В сентябре 1811 года стал генерал-адъютантом, а за отличие в Бородинском сражении в 1812 году получил звание генерал-лейтенанта.

Единственный сын Павла Александровича Александр Павлович погиб в феврале 1814 года в сражении при взятии Парижа под местечком Краон. Через три с лишним года 6 июня 1817 года скончался Павел Александрович. Супруги Строгановы, Павел и Софья Владимировна (урожденная Голицына; свадьба состоялась в 1793 году), когда бывали вместе, жили в своем новом имении Марьино на реке Тосне, в 60 км к югу от Санкт-Петербурга. Имение было названо в честь прабабушки Павла Марии Яковлевны Строгановой (Новосильцевой), которая приобрела эти земли в 1726 году. Павел и его отец Александр похоронены в Александро-Невской Лавре.

В семье Павла Александровича и Софьи Владимировны были, кроме сына Александра, четыре дочери. Старшая их них, графиня Наталья Павловна, в 1818 году вышла замуж за Сергея Григорьевича, своего четвероюродного брата. После смерти Софьи Владимировны в 1845 году Наталья унаследовала Пермское майоратное имение, которым управлял после ее смерти граф Сергей Григорьевич.

Сергей Григорьевич отличился не только в военных сражениях (участвовал в Бородинском сражении и в войне с Турцией), но и на гражданском поприще. В 1835–1847 годах он исполнял обязанности попечителя Московского учебного округа и ректора Московского университета. В 1837–1839 годах работал в составе Комиссии построения храма Христа Спасителя (в Москве) – по искусственной (технической) части. В 1859–1882 годах он возглавлял Археологическую комиссию, которая была создана по его инициативе.

Важной заслугой С. Г. Строганова стало основание им и содержание за собственный счет в 1825–1842 годах первой рисовальной школы в Москве, ставшей позже Строгановским художественно-

промышленным училищем (сейчас это – Московский государственный художественно-промышленный университет имени графа С. Г. Строганова).

В 1856–1882 годах Сергей Григорьевич входил в состав Государственного Совета (при Александре II и Александре III). В течение 37 лет с 1837 года Строганов был председателем Императорского общества истории и древностей.

В 1851 году при Государственном Совете был создан Главный Комитет железных дорог (с 1858 года Комитет железных дорог) – высший государственный орган для рассмотрения предложений о строительстве частных железных дорог. В 1858 году Строганов вошел в состав Комитета, а в 1863–1873 годах был его председателем (до упразднения Комитета в январе 1874 года).

23 ноября 1859 года С. Г. Строганов принял участие в праздновании 50-летия со дня основания Института корпуса инженеров путей сообщения.

В подарок он получил напечатанную в Петербурге книгу Е. М. Соколовского «Пятидесятилетие Института и Корпуса инженеров путей сообщения».

Сергей Григорьевич создал в Строгановском дворце на Невском проспекте коллекцию иконописи и дополнил собрание древностей, пополнил раздел живописи и увеличил нумизматическую часть общего собрания, куда поступила коллекция его сына Александра, рано умершего в 1864 году (в 45 лет).

Огромную ценность имела обширная библиотека, пополнявшаяся в течение многих лет, в том числе и Сергеем Григорьевичем.

С 1827 года Строганов носил звание почетного члена Петербургской академии наук, с 1848 года – почетного любителя Академии художеств и был избран почетным членом Петербургского университета. За свою многолетнюю деятельность на пользу Отечеству С. Г. Строганов был награжден орденами св. Анны, св. Владимира, св. Станислава, св. Георгия, св. Александра Невского, св. Андрея Первозванного и иностранными орденами. Сергей Григорьевич умер в Санкт-Петербурге и похоронен в Александро-Невской Лавре.

Строгановы породнились со многими знатными российскими дворянами. В 1793 году у Строгановых произошли два важных

события. Баронесса Елизавета Александровна Строганова (1779–1818), дочь Александра Николаевича Строганова (1770–1789), вышла замуж за Николая Никитича Демидова (1773–1828), владельца Нижнетагильских металлургических заводов. Павел Александрович Строганов, троюродный брат Елизаветы Александровны, женился на княжне Софье Владимировне Голицыной, дочери генерал-лейтенанта князя Бориса Владимировича Голицына (1769–1813). А еще раньше сестра Григория Дмитриевича Пелагея вышла замуж за князя Андрея Ивановича Голицына. Таким образом, Строгановы породнились с известными российскими фамилиями – с Демидовыми и Голицыными.

Сын Николая Демидова и Елизаветы Строгановой Анатолий Николаевич (1813–1870), князь Сан-Дonato (с 1840 года) женился в 1840 году на дочери Жерома Бонапарта (брата Наполеона) – Матильде де Монфор (1820–1904). Так род Строгановых породнился с французским родом Бонапартов. Правда, брак А. Н. Демидова был бездетным, а в 1845 году состоялся развод.

Брат Елизаветы Александровны, Григорий Александрович Строганов (1770–1857), женился на княжне Анне Сергеевне Трубецкой, а еще раньше в 1769 году второй женой Александра Сергеевича Строганова стала Екатерина Петровна Трубецкая (1744–1815). Дочь Павла Александровича Строганова и Софии Владимировны Голицыной Елизавета (1802–1868) вышла замуж за князя Ивана Дмитриевича Салтыкова (1796–1832). Строгановы таким образом породнились еще и с родами Трубецких и Салтыковых.

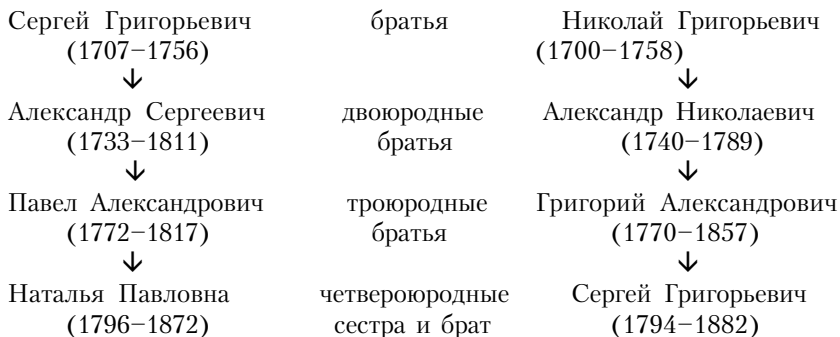
Брачные связи представителей семейства Строгановых (на протяжении пяти столетий) породнили их и с другими дворянскими и купеческими родами.

На протяжении многих лет, начиная с Петра Великого, Строгановы находились, можно сказать, на особом положении. Никто из императоров или императриц не лишил своего благоволения обширное семейство Строгановых, верно служивших своей родине, проявлявших заботу об экономическом развитии Отечества и внесших существенный вклад в культуру России.

Приложения

№ 1

*Схема родственных связей Натальи Павловны Строгановой
и Сергея Григорьевича Строганова,
создавших новую семью Строгановых*

№ 2

*Владельцы Дома Строгановых (Строгановского дворца)
на Невском проспекте в Санкт-Петербурге
(с указанием периода владения):*

Сергей Григорьевич, обосновавшийся в Петербурге в 1742 году;
Александр Сергеевич (1756–1811);
Павел Александрович (1811–1817);
Софья Владимировна Голицына–Строганова (1817–1845);
Наталья Павловна Строганова (1845–1872);
Сергей Григорьевич (1872–1882);
Сергей Александрович (1882–1917) (внук Сергея Григорьевича, сын
Александра Сергеевича, умершего в 1864 году).

1. Кузнецов С. О. Дворцы и дома Строгановых // Три века истории. – М.; СПб. : Центрполиграф; МиМ-Дельта, 2008.
2. Мезенина Т. Г. Род Строгановых: культурно-исторические очерки. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2007.
3. Павлов В. Е. Они были первыми. – СПб.: ПГУПС, 2006.
4. Майоров М. В. Русская родословная мозаика: век XVI – век XXI. – М.: Интрада, 2002.
5. Блонский Л. В. Царские, дворянские и купеческие роды России. – М.: «Вече», 2007.
6. Краснова Е. И. Такие разные Демидовы. – СПб.: СПбГУТД, 2007.

*Нина Михайловна Светлова,
краевед*

Неизвестные имена в истории Петербурга

Извозопромышленник Чекушкин в Чекушах

Ослепительное зрелище российской столицы – грандиозный театральный спектакль. Как любой спектакль, его создают не только видимые всеми актеры и декорации – императорский двор, знать, архитектурные шедевры, но и великое множество невидимых работников – мещан, купцов, городских и дворников. На самой нижней ступени социальной лестницы городского населения стояли извозчики, «самый многочисленный из всех промышленных классов в СПб»¹. Последнее место среди них занимали ломовики.

«Ломовые извозчики, никогда никому не уступавшие дороги.., когда медленной лавиной двигался кортеж их до отказа нагруженных возов или громадных саней, никакая сила не могла их остановить, иногда даже городские пасовали. Эти дикого вида “ломовики”, держа вожжи, медленно выступали рядом со своими такими же страшными и огромными битюгами, увешанными сбруей с бляхами, дуги же

бывали необыкновенно затейливо и ярко расписаны. Всегда это были мрачные бородатые мужики, которые носили или засаленный картуз, или треух и неизменно бывали наряжены поверх тулупа в красный жилет нараспашку»².

Таков привычный всем портрет грубого необразованного ломовика. Но попробуем взглядеться пристальнее в одного из многих ломовых извозчиков. Перед нами предстанет иная картина...

Савелий Ефремович Чекушкин родился в селе Ордино Хороборовской волости Мышкинского уезда Ярославской губернии, год его рождения пока что известен лишь приблизительно – между 1834 и 1838 г. Ордино – центр старинной Кацкой волости, располагавшейся по берегам реки Кадки. В этих местах не было крепостного права: крестьяне считались монастырскими, а с 1776 г. – государственными. Они платили только денежный оброк, поэтому массово уходили в города, в отхожий промысел, были предприимчивы и грамотны.

Вероятно, еще отец Савелия приходил на работы в Петербург, занимался промыслом в районе, издавна называвшемся Чекуши*, поэтому семья получила фамилию Чекушкины. Вместе с отцом работали в столице сыновья Савелий и Семен.

Савелий в середине 1860-х гг. арендует у дочери коллежского секретаря Катерины Ивановны Лавровой участок на углу не существующего ныне Масляного переуллка и 25-й линии, где содержит ломовой извоз³. Извозный промысел – круглогодичный, годами отходники могли жить в городе, не навещая родные места. Только в редких случаях удавалось выписать к себе семью. Савелий Чекушкин сумел скопить денег, привез жену в столицу, где в ноябре 1866 г. родилась их дочь Надежда. К сожалению, о жене Чекушкина нет никаких сведений.

В 1888 г. Савелий Чекушкин выкупает участок Е. И. Лавровой и становится петербургским домовладельцем⁴. Сведения о нем появляются в «Справочной книге о лицах...»⁵ в 1888 г.: «крестьянин Савелий Ефремович Чекушкин, 52 лет, проживает в Суворовском

---

* Промышленный район на юго-западе Васильевского острова, ограниченный Большим пр., 23-й линией и Невой. О происхождении названия см.: *Богданов А.И.* Описание Петербурга 1749–1751. – СПб., 1997.

участке по 25 линии, 6. Содержит магазин аптекарских, косметических и химических товаров по Садовой, 38 под фирмой «Чекушкин и К^о», чайный магазин по 9 линии, 58 и ломовой извоз в доме жительства».

С торговлей у Чекушкина не очень ладилось: в 1892 г. чайную торговлю берет брат Семен, но уже в 1893 г. сведений о нем и его чайной торговле в адресной книге «Весь Петербург» нет. Аптекарский магазин получает сын Дмитрий – он становится владельцем фирмы «Чекушкин и К^о» в товариществе на вере* вместе с вкладчиком – мологским мещанином Иваном Кузьмичом Нижегородовым. На долю Савелия Ефремовича остается ломовой извоз.

Лишь к 50 годам ярославскому крестьянину удалось занять прочное место в столице: живет с семьей в собственном доме, имеет собственное дело и, как все собственники, берет ссуды в Кредитном Обществе под залог недвижимости. Документы Городского Кредитного Общества позволяют представить владения С. Е. Чекушина в 1888 г.⁶:

двухэтажный деревянный лицевой дом, крытый железом – 5 деревянных лестниц, 28 окон, 7 железных печей, 6 кухонных очагов, 2 отхожих места; в доме две квартиры (5 комн. и 2 комн.) домовладельца, квартиры артельщиков и рабочих;

двухэтажный деревянный надворный флигель, крытый толью (выходит на Масляный пер.) – 4 деревянных лестницы, 14 окон, 2 русских печи, 2 отхожих места;

одноэтажные деревянные службы и конюшня на 45 стойл.

Все строения, даже сарай, выходящий торцом на Масляный переулок, были необыкновенно живописны – затейливой архитектуры, украшены деревянной резьбой.

Извозный промысел Чекушкина успешно развивался, и в 1895 г. он смог купить у наследников скончавшейся вдовы вильманстрандского купца Таисии Андреевны Касцовой участок на углу Косой и 27-й линий. В последующие годы новый участок на Косой полностью обустраивается для дела – никаких архитектурно-выразительных

---

* Товарищество, в котором наряду с полными товарищами имеются вкладчики, несущие риск убытков в пределах сумм внесенных ими вкладов и не принимающие участия в предпринимательской деятельности.

строений на нем нет, только функциональные: конюшни на 58 стойл с сеновалами и двухэтажный надворный флигель с квартирами для артельщиков и столовой⁷.

Держатели извозных дворов – извозопромышленники – получали хорошую прибыль, но организация этого промысла была непростым делом. Во-первых, постоянно росла конкуренция, поскольку после отмены крепостного права в город пришло множество крестьян, быстро включавшихся в процесс бурного промышленного роста столицы. У ломовиков же был свой дополнительный конкурент – конка, взявшая на себя часть работ по перевозке грузов. Во-вторых, стремительный рост промышленных предприятий и городского населения вынуждал Городскую управу бдительно следить за санитарным состоянием города, постоянно совершенствуя и ужесточая правила. В 1889 г. было принято постановление о порядке разрешения, устройства и содержания извозчичьих дворов⁸. В документе констатируется факт неудовлетворительного состояния означенных дворов, на которых «собрано большое количество лошадей, дающих много извержений». «Покуда» точно не будет соблюдаться постановление, «на извозчичьем дворе лошади по-прежнему будут отдыхать в грязи без всякой подстилки, экипажи будут оставаться под открытым небом при всех частых атмосферических перепадах нашего климата, а сбруя лошадей и одежда извозчиков будут по-прежнему валяться, где попало». В постановлении определены условия содержания извозопромышленных дворов:

- дворы должны быть вымощены асфальтом, бетоном или камнем с надлежащими стоками и должны быть снабжены чистой водою;
- для каждой лошади в конюшне должно быть устроено отдельное стойло строго определенных размеров;
- не допускаются конюшни, лишенные дневного света, т.к. «отсутствие света вредно отзывается на зрении лошадей, делая их погловыми и опасными в езде»;
- жидкие нечистоты должны быть удаляемы из конюшен посредством стоков в особые колодцы;
- дворы должны быть содержимы в чистоте и обмываемы чистой водою одновременно с поливкою улицы и т.п.

Кроме того, держатель извоза должен был предоставить наемным артельщикам достойные условия проживания.

Управа бдительно следила за выполнением правил, периодически устраивая «внезапные осмотры».

Постаревшему Савелию Ефремовичу, в 1900 г. возраст его приближался к 70 годам, очевидно, тяжело было справляться со своим хозяйством, он постепенно отходит от дел. Свой участок по 25-й линии не позднее 1905 г. продает соседу – Обществу С.- Петербургских железопрокатных и проволочных заводов. Общество постепенно застраивает участок производственными зданиями, но, вероятно, жилой дом Чекушкина остается нетронутым, до самой своей смерти 20 марта 1910 г. он проживает по прежнему адресу – 25-я линия, 6. На участке, уже принадлежащем Железопрокатному и проволочному заводу, остается ломовой извоз, владельцем которого становится сын извозопромышленника Андрей. На месте деревянного дома по адресу 25-я линия, 6, в котором проживало семейство Чекушкиных, в 1914 г. появляется двухэтажный каменный особняк, занятый службами завода⁹. Этот дом в неизменном виде простоял до осени 2011 г., когда был разрушен инвесторами.

Ломовой извоз на углу Косой и 27-й линий Савелий Ефремович также передает Андрею, но остается владельцем этого участка до своей смерти.

По непонятной причине Савелий Ефремович не записался в купеческое сословие, как обычно делали разбогатевшие отходники, а до конца жизни так и остался крестьянином, но его дети стали петербургскими купцами. Сыновей научил, поставил на ноги, передал им свое дело – торговлю и извоз. Дочерей выдал замуж за купцов. Его младшие дети и внуки стали горожанами в первом и даже во втором поколении. Но это поколение уже не смогло передать своим детям и внукам ни семейные традиции, ни профессиональные навыки, ни собственное дело. На их долю выпало трагическое время слома русской жизни. Судьба потомков крестьян, пришедших в города в пореформенное время, после революции будто бы обрывается, люди исчезают в водовороте событий, и даже дата их смерти почти всегда остается неизвестной.

Большинство сведений о жизни детей и внуков С. Е. Чекушкина заканчиваются 1917-м годом.

Старший сын Савелия Ефремовича Дмитрий Савельевич (1863(?), с. Ордино – 1912, Петербург) родился в селе Ордино,

Витрина торгового дома «Чекушкин и Ко». Фото нач. 1900-х гг.

вероятно, перед окончательным переселением отца в Петербург. «Справочная книга о лицах...»¹⁰ за 1910 г. сообщает, что образование получил в гимназии (к сожалению, не сообщает, в какой!). Начал коммерческую деятельность в Петербурге с 1892 г. – ему, старшему сыну, передал отец магазин на Садовой, 38, в «доме купца Яковлева». Дмитрий вовлек в дело земляка – мологского мещанина Ивана Кузьмича Нижегородова, и учредил товарищество на вере «Чекушкин и Ко», вкладчиком которого числился Нижегородов, т.о., делами фирмы управлял Дмитрий, отвечая по обязательствам своим имуществом, а И. К. Нижегородов рисковал только суммой внесенного вклада. Проживал Нижегородов в Гатчине, где в собственном доме на Госпитальной улице торговал аптекарскими товарами, там же находился аптечный склад. Земляки были профессиональны, действовали согласованно, вступили в купеческое сословие – купцами 2 гильдии, преобразовали фирму в Торговый Дом «Чекушкин и Ко». Ассортимент товаров был разнообразен: в адресной книге называют аптекарские, москательные, косметические, парфюмерные

товары (одно время пробовали торговать обувью, но неудачно). Магазин на бойком месте у Сенной площади приносил неплохие доходы. На опубликованной в нашей статье фотографии начала 1900-х гг. – роскошная витрина магазина, достойная Невского проспекта*. Жил Дмитрий Савельевич с семьей в том же доме, в котором размещался его магазин. Умер он довольно рано, в возрасте примерно 50 лет в 1912 г. После его смерти вдова, купчиха 2 гильдии Елизавета Федоровна Чекушкина, перерегистрировала фирму на себя с капиталом 61 тыс. р.¹¹ Она жила по разным адресам, но в престижных местах города – на Литейном, Кронверкском, Б. Пушкарской. Магазин же ТД «Чекушкин и К^о» продолжал существовать до 1917 г. – более 30 лет на одном месте.

У Дмитрия Чекушкина было двое детей – сын Николай (р. 1896) и дочь Ольга. О Николае известно лишь, что в 1915 г. он жил отдельно от матери, на Малой Московской улице. Купеческая дочь Ольга Чекушкина не позднее 1915 г. вышла замуж за потомственного дворянина Дмитрия Николаевича Талалаева. Молодые супруги в 1915 г. поселяются в недавно построенном доме на Малой Московской, 4, по соседству с братом Ольги Николаем. Муж Ольги – лицо примечательное: служит инспектором страхового общества «Россия», является членом русско-французской торговой палаты, в 1916 г. членом комитета и спортивной комиссии Петроградского автомобильного клуба, а также состоит сотрудником издательства «Свободное искусство» (председателем редакционного совета издательства был знаменитый искусствовед и художник А. Н. Бенуа). Можно только гадать, почему после смерти первой жены Дмитрий Николаевич выбрал себе в спутницы Ольгу... Что привлекло его – красота? деньги? Деньги, как нам кажется, играли не последнюю роль. Супруг Ольги был доверенным наследников ТД «Чекушкин и К^о», но его усилия оказались тщетны – вдова Дмитрия Савельевича Чекушкина осталась единоличной владелицей магазина на Садовой.

По сведениям дальнего родственника Талалаевых Михаила Владимировича¹², после революции Дмитрий Николаевич Талалаев оказался в эмиграции.

---

* Ошибочно фотография магазина попала в каталог выставки «Невский проспект. Образы времени» (СПб., 2003) – кат. № 75.

Как было сказано выше, младший сын Андрей Савельевич наследовал главное отцовское дело – ломовой извоз. Еще при жизни отца он стал владельцем извозного предприятия на Косой, а после его смерти – и извоза на 25-й линии. С 1908 г. Андрей Чекушкин числился купцом 2 гильдии, жил он уже на Большом пр., 88, в доме, выстроенным Лидвалем для финляндского уроженца Юлиуса Коллана. Не позднее 1910 г. женился на Александре Ивановне, в 1911 г. у них родилась дочь Валентина¹³. Андрей Савельевич – типичный представитель купеческого сословия: держит собственное дело, женат, живет в хорошем современном доме. Как положено солидному купцу, Андрей Чекушкин являлся членом городских общественных организаций: был почетным блюстителем Благовещенского женского высшего начального училища (17 линия, 70), членом совета Василеостровского общества взаимного кредита¹⁴.

В январе 1914 г. заложенное имущество по Косой, 8-9, принадлежавшее его племянникам (детям умершего брата Дмитрия Николаю и Ольге), по купчей переходит Андрею¹⁵. В этом же 1914 г. вместе с купцом Иваном Ивановичем Кудряшевым он покупает пустопорожнее место по 26-й линии, 3в. Вскоре по проекту гражданского инженера А. С. Гулина там был выстроен каменный пятиэтажный доходный дом, во дворе расположились одноэтажные деревянные торговые конюшни. В начале 1916 г., в самый разгар войны, отдел частновладельческого строительства Петроградской городской Управы разрешает постройку деревянного одноэтажного сарая во дворе дома, предназначенного для испытания прожекторных станций¹⁶. Известно, что в 1916 г. Кронштадтские форты стали оснащаться прожекторными станциями «Шуккерт». Завод военных и морских приборов фирмы «Шуккерт и К^о», позднее «Симменс-Шуккерт», находился на 24-й линии, 3-7, напротив дома на 25-й линии, где Андрей Чекушкин держал ломовой извоз. Естественно, что именно с ним руководство завода договорилось о проведении испытаний.

В последние годы перед революцией Андрей Савельевич проживал в собственном доме на 26-й линии, 3в. Тогда же собственниками дома становятся и его сестры – Надежда и Мария¹⁷. Поразительно постоянное желание наследников Савелия Чекушкина сохранить общий семейный капитал, они продолжают жить по старинной крестьянской общинной традиции, хотя в это время предприниматель-

ское сообщество становится все более разобщенным, состоящим из индивидуальностей, что, вероятно, помогает коммерческому успеху.

Старшая дочь Гликерия не позднее 1891 г. выходит замуж за гостинодворского купца Сергея Васильевича Пашкова. Рано потеряв отца, он уже в 21 год берет в свои руки семейное дело – торговлю галантерейным товаром по Зеркальной линии Гостиного двора. В возрасте 26 лет Сергей Васильевич вступает во второй брак с Гликерией Савельевной Чекушкиной. В 1911 г. он уже солидный гостинодворец, товар у него прибыльный – золотые и серебряные изделия, торговал он все также по Зеркальной линии, но зато сумел перебраться с Клинского проспекта в аристократический район, на набережную Фонтанки у Чернышева моста. Несмотря на благополучие в собственных делах, Сергей Васильевич не остался в стороне после смерти главных держателей семейного чекушкинского капитала – Савелия (1910 г.) и Дмитрия (1912 г.) Чекушкиных. Вместе со своим шурином Андреем он владел ломовым извозом по 26-й линии, сведений о его торговле ювелирными изделиями в предреволюционные годы в петроградских справочниках не имеется, вероятно, в военное время спрос на эти изделия был невелик.

У супругов Пашковых было трое детей – сыновья Василий (1895 г.р.) и Георгий (1896 г.р.) и дочь Раиса¹⁸.

Удачным оказался и брак второй дочери Савелия Ефремовича Надежды (13 ноября 1866, С.-Петербург – после 1937). Не позднее 1905 г. она выходит замуж за делового партнера своего брата Ивана Кузьмича Нижегородова, переезжает к нему в Гатчину, на Соборную улицу, 13¹⁹.

Давно поселившийся в Гатчине «мологский мещанин» И. К. Нижегородов (21 декабря 1862, Молога – 25 мая 1934, Ленинград) со временем стал известным и уважаемым жителем города. О жизни и деятельности Ивана Кузьмича в Гатчине рассказывает в своей книге В. Кислов²⁰.

В доме на Соборной ул. И. К. Нижегородов открыл собственный магазин (по сообщению А. В. Бурлакова, еще в послевоенное время там работал хозяйственный магазин, который местные жители называли «нижегородовским»). К 1914 г. в нем было 3 отделения: 1 – аптекарские товары, парфюмерия и фототовары, 2 – табачные изделия, канцтовары и игрушки, 3 – колониальные товары (пряности,

сахар, чай, кофе, какао и пр.) и фрукты. В магазине также можно было приобрести минеральные воды и вино. Настоящий Елисеевский магазин в центре тихой Гатчины!

Процветающая торговля дает возможность Ивану Кузьмичу заняться благотворительностью. Свои деньги он отдает на попечение церкви Кирасирского полка, в частности, в 1904 г. пожертвовал на ее ремонт 4000 р. Усердие купца было замечено: в 1905 г. указом по ведомству военного и морского духовенства он был награжден орденом Св. Анны 3 степени. Награда военным орденом была редкостью в среде купеческого сословия.

Иван Кузьмич занимает должности в городских организациях и комитетах: 1909 г. – Гатчинское общество взаимного кредита; 1911 г. – член наблюдательного комитета Гатчинского общества взаимного страхования от огня имущества; 1912 г. – член правления Гатчинского городского общества взаимного кредита, входит в торговую депутацию; в 1914 г. прибавляются должности члена комитета страхового общества и земского гласного. За заслуги перед городом в 1910 г. он получил звание потомственного почетного гражданина.

Своеобразной кульминацией общественной деятельности бывшего «мологского мещанина» была попытка заняться издательской деятельностью: с марта 1913 г. он выпускает еженедельную литературную, беспартийную газету «Гатчинская неделя», за год вышло 30 номеров.

С началом войны Нижегородов состоял в Комитете по оказанию помощи нуждающимся семьям лиц, призванных на войну из города Гатчины. В его магазине на Соборной ул. принимались пожертвования в пользу лазарета для раненых воинов Всероссийского Земского союза.

После революции супруги Нижегородовы перебрались в Петроград, с 1921 г. проживали по адресу 19-я линия, д. 9, кв. 11. Потомственный почетный гражданин, купец и гатчинский благотворитель тихо служил кассиром в конторе «Ширпотреб» по сбыту промышленных товаров (Глазовская ул., ныне К. Заслонова, 2). Жена его, Надежда Савельевна, служила в той же конторе и занималась на дому кустарной работой. Вероятно, то, что делали на дому, то и продавали в конторе. После смерти мужа в 1934 г. Надежда Савельевна

проживала в своей квартире до 1937 г., потом куда-то переехала, в справке из домовой книги написано: «адрес выбытия не читается».

У Нижегородовых было пятеро детей. В 1914 г. Леонид имел специальность «инженер-электротехник», Сергей служил в Азовско-Донском банке, Владимир являлся поручиком лейб-гвардии драгунского полка, младшие дети Виктор и Лидия проживали с родителями в доме на Соборной улице²¹.

По данным В. Кислова, осенью 1914 г. поручик Владимир Нижегород был убит, Сергей был призван в армию в звании корнета. Дочь Лидия поступила на курсы сестер милосердия, была выпущена 19 декабря 1914 г.²², до 1917 г. числилась проживающей по Соборной, 13.

Что случилось с детьми в военную пору, удалось ли им пережить революцию – об этом можно только гадать. Известно лишь, что инженер Леонид Иванович Нижегородов в 20-х гг. работал на Балтийском заводе, жил на Кожевенной линии, в тех самых Чекушах, где начал свою столичную жизнь его дед Савелий Ефремович.

О Марии Савельевне, вероятно, младшей дочери Чекушкина, пока не удалось найти почти никаких сведений. Не позднее 1913 г. она выходит замуж за некоего Привалова. В последние предреволюционные годы числится владелицей «семейного гнезда» по Косой, 9-8 и дома, выстроенного ее братом Андреем на 26-й линии, 3в²³. Может быть, Привалов не был петербуржцем, Мария уехала в другой город, но оставалась петербургской домовладелицей.

История семьи ярославского крестьянина С. Е. Чекушкина похожа на семейные истории выходцев из крестьян, поселившихся в столице, но отличается от многих из них своим активным отношением к благотворительности.

Ярославское землячество в Петербурге сумело создать три благотворительных общества – Ярославское, Угличское и Мышкинское²⁴. Но Чекушкин ни в одну из этих организаций не вступил, а в 1899 г. стал инициатором создания «Общества пособия рабочим извозного промысла, пострадавшим при работах». Первое собрание Общества прошло 17 декабря 1899 г. в собственном доме Савелия Чекушкина на 25-й линии, 6, на нем присутствовало более 100 человек²⁵. Во вступительном слове было сказано: «Высокогуманная и христианская мысль г.г. учредителей основать общество для оказания помощи ...»

встретив сочувствие многих добрых людей, нашла возможность своего осуществления». Члены Общества послали депутатов к о. Иоанну Кронштадтскому с просьбой принять звание почетного члена.

О. Иоанн благословил вновь созданное общество, согласился принять звание, оставил свою подпись на фотопортрете, но положенные почетному члену 200 р. не внес. На собрании был принят Устав²⁶, в котором была сформулирована цель создания Общества: «Общество имеет целью оказывать пособия рабочим извозного промысла в Петербурге, пострадавшим при отправлении своих обязанностей, а также их семействам.

Помощь Общества может выражаться:

- а) выдачею денежного пособия пострадавшим
- б) погребением на свой счет умерших от увечья
- в) выдачею денежного пособия семействам пострадавших и доставлением способов для призрения и воспитания их сирот и детей и
- г) доставлением пострадавшим средств возвратиться на родину».

Председателем правления собравшиеся избрали С. Е. Чекушкина. Доверие, оказанное ему, было не только данью прочному материальному положению, но и признанием его несомненного авторитета. Сухая информация справочников и архивных дел позволяет увидеть косвенные тому свидетельства. В 1901 г. дела по залогу имущества по Косой линии по доверенности Савелия вел архитектор Лев Августович Богусский²⁷, что говорит о близких, доверительных отношениях между ними. В 1904 г. Чекушкин занимал должность управляющего складом Эллерса. Склад известной фирмы «Андрей Б. Эллерс» находился недалеко от дома Савелия Ефремовича на Кожевенной линии, 21. Несомненно, его извозчичья артель выполняла заказы Эллерса по перевозке строительных материалов, которыми торговала эта фирма. Когда возникла необходимость найти временного управляющего, выбор пал на заслужившего доверие Савелия Чекушкина.

Об авторитетности Савелия может рассказать и список членов Общества²⁸. Кроме сыновей Дмитрия и Андрея, его членами являлось множество ломовых и легковых извозчичьих артелей, почетными членами были фирма «Андрей Б. Эллерс» и непосредственный сосед – Железопрокатный и гвоздильный завод. К концу века многие промышленные предприятия держали у себя собственных ломовиков.

Фактически таким собственным заводским извозом была артель Чекушкина, конюшни которого находились во дворе завода.

Савелий Ефремович безвозмездно предоставил помещение, необходимое для правления, в своем доме на 25-й линии, до самой его смерти правление Общества находилось в этом доме. Первоначально в Обществе числилось 357 членов, бюджет на 1900 г. составил 8650 р. Пока был жив Савелий Ефремович, число членов Общества хотя и уменьшалось, но несущественно, а после его смерти, особенно после начала войны, неизменно снижалось (в 1915 г. – всего 145 членов). Капитал, состоявший из членских взносов, пожертвований, доходов от зрелищ и увеселений, вкладывался в процентные бумаги Городского Кредитного Общества, сумма неизменно росла, к 1915 г. она составила 39514 р.²⁹

Размер пособия составлял сумму в 20-50 р., пособия выдавали «по смерти», «по бедности», получившим увечье (типичные – укушенные раны, переломы, удар копытом в бок, ушиблено-рваная рана подбородка). В 1899 г. пособия получили 7 человек, в 1913 г. – 44, в 1914 г. – только 9 человек. Ежегодно в день основания Общества 18 августа (день утверждения Устава в Министерстве Внутренних Дел) служили благодарственный молебен в церкви Общества благотворения в память 19 февраля 1861 г. (Тамбовская ул., 16) перед образом Спаса Нерукотворного за преуспевание Общества. В 1914 г. по постановлению общего собрания пожертвовали в Верховный Совет Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны на дело удовлетворения нужд семейств воинов, сражающихся за Родину, 1000 р.³⁰

Общество действовало до 1917 г., контора его, после смерти Чекушкина, находилась по разным адресам, в домах членов правления.

После революции в списках ленинградских извозчиков фигурируют многие члены бывшего Общества, но Чекушкиных среди них нет.

Стремление помогать ближним, скорей всего, сформировалось у Савелия Чекушкина еще в родных краях, на Кацкой земле. Он жертвовал небольшие деньги церковно-приходской школе в своем селе Ордино, а в 1901 г. подарил школе скрипку! (вскоре один крестьянин пожертвовал камертон). Сын его Дмитрий стал попечителем школы,

ежегодно высылал по 100 р., для строительства нового школьного здания в 1901 г. пожертвовал 1000 р., подарил школе «волшебный фонарь» с комплектом световых картин. Эти световые картины использовались также во время народных чтений, проводившихся по вечерам для взрослого населения. Школа стала центром просвещения для всей округи еще до революции. Но сами попечители, по сведениям из нынешней Ординской школы, на родину не приезжали.

Усилия жертвователей не прошли бесследно: Ординская школа, действующая донныне, известна в районе. Возглавляет ее уроженец этих мест, краевед Павел Голосов. Здесь проходят ежегодные исторические слеты (в окрестностях села проходили сражения с ордынцами), действует школьный музей. Один из первых экспонатов музея – старая амбарная книга, найденная Голосовым на чердаке, которая называлась «Летопись Ординской школы», из этой книги взяты сведения о попечительстве Чекушкиных³¹.

История семьи Чекушкиных подтверждает всем известные факты – активное участие крестьян, в частности, ярославцев в торгово-промышленном становлении Петербурга во 2-й пол. XIX – нач. XX века. Те из них, кто обладал деловой хваткой, был честен, умел завязывать дружеские связи с партнерами, смогли приобрести приличное состояние и уже в третьем поколении вывести потомков в среду образованной петербургской интеллигенции. Интересны Чекушкины своей благотворительной деятельностью, не широкой, охватывающей большие слои населения, а обращенной к людям своего ближнего круга: извозчикам и их семьям и своим односельчанам.

¹ Михневич В. Петербург весь на ладони. – М., 2003.

² Добужинский М. В. Воспоминания. – М., 1987. – С. 13.

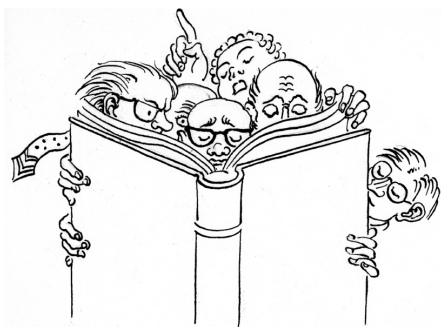
³ Центральный Государственный Исторический Архив С.-Петербурга (далее ЦГИА СПб.). Ф. 513. Оп. 102. Д. 2072.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 6555.

⁵ Справочная книга о лицах Петербургского [Петроградского] купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах... на... [1865–1880, 1882–1913, 1915–1916] год. СПб.; Пг., 1865–1916.

- ⁶ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 6555.
- ⁷ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 2137.
- ⁸ ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 4151.
- ⁹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 2072.
- ¹⁰ Справочная книга о лицах Петроградского купечества... – СПб., 1865-1916.
- ¹¹ *Барышников М. Н.* Деловой мир Петербурга. – СПб., 2000.
- ¹² URL: svetlitsa.spb.ru
- ¹³ Справочная книга о лицах Петроградского купечества... – СПб., 1865-1916.
- ¹⁴ Весь Петербург на... [1894–1917] год: адрес. и справ. кн. г. Петербурга. - СПб.; Пг., 1894–1917.
- ¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 258.
- ¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 2073.
- ¹⁷ Весь Петербург на... [1894–1917] год: адрес. и справ. кн. г. Петербурга. - СПб.; Пг., 1894–1917.
- ¹⁸ Справочная книга о лицах Петроградского купечества... – СПб., 1865-1916.
- ¹⁹ Весь Петербург на... [1894–1917] год: адрес. и справ. кн. г. Петербурга. - СПб.; Пг., 1894–1917.
- ²⁰ *Кислов В.* Соборная улица. – Гатчина, 2010.
- ²¹ Весь Петербург на... [1894–1917] год: адрес. и справ. кн. г. Петербурга. - СПб.; Пг., 1894–1917.
- ²² *Кислов В.* Летопись и очерки медицинской жизни. - Гатчина, 2008. – Ч. IV.
- ²³ Весь Петербург на... [1894–1917] год: адрес. и справ. кн. г. Петербурга. - СПб.; Пг., 1894–1917.
- ²⁴ *Лурье Л.* Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. – СПб.: БХВ-Петербург, 2011. – С. 217-227.
- ²⁵ Петербургское общество пособия рабочим извозного промысла, пострадавшим при работах: отчет общества. – СПб., 1901.
- ²⁶ Петербургское общество пособия рабочим извозного промысла, пострадавшим при работах: устав общества. – СПб., 1899.
- ²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 258.
- ²⁸ Петербургское общество пособия рабочим извозного промысла, пострадавшим при работах: отчет общества. – СПб., 1901.
- ²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Д. 1286.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Кацкая летопись. 2001. №№ 5-8 (108-111). – URL: kl-21.narod.ru

Публикации

*Наталья Валерьевна Колышницyna,
к.и.н., ведущий научный сотрудник ЦГИА СПб*

К 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина

Петр Аркадьевич Столыпин родился 2/14 апреля 1862 г. в Дрездене (Германия). Образование получил в Виленской и Орловской гимназиях, в 1885 г. окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1884 г. служил в Министерстве внутренних дел, а затем в Департаменте земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ. В 1901 г. он стал самым молодым российским губернатором – в Гродно, а с 1903 г. – в Саратове. Перед созывом Первой Государственной Думы Петр Аркадьевич был назначен министром внутренних дел в кабинет И. Л. Горемыкина¹. С 8 июля 1906 г. он совмещал этот пост с должностью председателя Совета министров, сменив апатичного премьер-министра И. Л. Горемыкина, которого даже в бюрократических кругах именовали «ваше безразличие».

В основу своей государственной деятельности П. А. Столыпин положил принцип «либеральные реформы и сильная власть». Официально было объявлено о следующем курсе преобразований: свобода вероисповеданий, неприкосновенность личности и гражданское равноправие, преобразование местных судов, реформа средней и высшей школы, полицейская реформа, преобразование земства, «меры исключительной охраны государственного порядка». Деятельность П. А. Столыпина на посту министра внутренних дел началась в тяжелое для страны время Первой русской революции. Понимая, что использование только карательных мер есть верный признак

*П. А. Столыпин – председатель
Совета министров Российской
империи. Фото 1907 г.*

бессилия правительства, он основное внимание уделил не поиску зачинщиков революции, а разработке реформ, способных разрешить главные вопросы, вызвавшие революцию. В то же время П. А. Столыпин не избегал и насильственных, карательных действий, что позволяет в целом оценить его политический курс как политику «кнута и пряника». Это вызывало недовольство многих: крупные помещики опасались ущемления своих интересов, а либеральные слои считали реформы излишне умеренными и медленными. Радикально настроенные круги организовали на премьер-министра 11 покушений в 1906–1911 гг., последнее из которых, 1 сентября 1911 г., достигло цели. 5 сентября 1911 г. Столыпин скончался. Похоронен в Киево-Печерской лавре, поскольку в свое время завещал похоронить его там, где настигнет смерть.

Предлагаемая публикация представляет собой подборку документов из фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, связанных с террористическим актом в августе 1906 г. и организацией охраны председателя Совета министров и его семьи в 1909 г. Указанные документы отложились в фондах Петроградской сыскной полиции и Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице (Охранного отделения). По большей части они представляют собой донесения дежурных полицейских надзирателей и агентов Охранного отделения вышестоящему начальству о подозрительных лицах, задержанных вблизи Елагиноостровского дворца, где проживала семья П. А. Столыпина в 1909 г., о передвижениях премьер-министра и о визитах к нему разных лиц. Большой интерес представляют донесения агентов из Ялты и Колноберже², куда семья выезжала на отдых. Безопасность в таких случаях обеспечивалась не столько местными силами, сколько агентами столичного Охранного отделения. Последние вели наблюдение и осуществляли охрану под видом торговцев и разного уровня приказчиков, именуя так себя и в самих донесениях. Во всех публикуемых документах сохранен авторский стиль.

№ 1. Донесение дежурного полицейского надзирателя Павловского* начальнику сыскной полиции С.-Петербурга В. Г. Филипову о последствиях взрыва на даче П.А. Столыпина

12 августа 1906 г.

В 9 час. 40 мин. вечера полицейский надзиратель Кренев сообщил, что в 4 час. 30 мин. дня в Клинический военный госпиталь доставлен из дачи г. министра с тяжелыми ранениями подполковник Шульц.

По 1 и 2 участкам Выборгской части раненых нет.

В 10 час. 15 мин. вечера полицейский надзиратель Галашевский сообщил, что в Петропавловскую больницу доставлено 24 человека убитых и 21 человек раненых, из них 3 умерли.

---

* Здесь и далее инициалы не установлены.

*Последствия взрыва дачи П. А. Столыпина на Аптекаромском острове.
Фото 1906 г.*

Чиновник для поручений Алексеев сообщил, что в больницу Курмеева, по Каменноостровскому пр., доставлено 2 раненых – дети г. министра³, и что списки лиц, доставленных в Петропавловскую больницу, сейчас добыть не возможно, в виду того, что по этому делу работает Охранное отделение и Жандармская полиция и таковые будут доставлены завтра.

Дежурный полицейский надзиратель Павловский.

ЦГИА СПб. Ф. 965. Оп. 1. Д. 176. Л. 6-6 об.

Подлинник

*Последствия взрыва дачи П. А. Столытина на Аптекарском острове.
Фото 1906 г.*

№ 2. Донесение агентов П. Коренева и С. Зыбина в Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в столице* о наблюдении за подозрительными лицами

17 марта 1909 г.

17 сего марта в 6 час. 40 мин. вечера во время заседания у Председателя Совета министров появилась на Дворцовой площади неизвестная дама, прилично одетая, в трауре и имея в руках сверток, которая, проходя неоднократно по Дворцовой площади и мимо штаба Гвардейского корпуса, обращала внимание на подъезд министра, в виду чего нами и была взята неизвестная под наблюдение. Находящимся в это время тут же полицейским надзирателем Вавиленым было сделано своим людям распоряжение установить ее. О чем имею честь доложить Вашему высокоблагородию.

---

* Адресат не установлен.

Агенты П. Коренев и С. Зыбин.

ЦГИА СПб. Ф. 1696. Оп. 2. Д. 39. Л. 13-13 об.
Подлинник

№ 3. Донесение агента Савельева в Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в столице* о наблюдении за подозрительными лицами

3 сентября 1909 г.

Сего числа стоя на посту от 4 час. дня до 10 час. вечера для охраны его высокопревосходительства господина председателя Совета министров, занимая район поста от 1-го Елагина моста до ресторана Кюбе по Каменному острову; в 6 час. 25 мин. вечера во время прогулки господина министра по Елагину острову, с противоположной стороны у ресторана Кюбе появился неизвестный мужчина и сел против пристани, при себе имел книгу и смотрел на Елагин остров, когда я проходил 1-й раз мимо его он ничего не делал; а когда дойдя до 1-го Елагина моста возвратился обратно, то неизвестный занимался рисованием павильона и прилегающей местности к пристани. Тогда я подошел к постовому городовому Гусеву, стоявшему у ресторана Кюбе, и попросил его подойти к неизвестному попросить прекратить рисование и отобрать рисунки; тогда неизвестный и рисунки отказался выдать городовому. Тогда городовой препроводил его в Новодеревенский участок для удостоверения звания; в книге его оказались рисунки: с здешней местности один, а остальные заграничные из Рима несколько рисунков; где он назвался Рудневым Львом Васильевичем, сыном статского советника, студентом Императорской Академии художеств, 23 лет. Жительство имеет: Английский пр., д. 12, кв. 13. Приметы его: выше среднего роста, темный шатен, одет в штатский поношенный костюм, волосы отпущенные и борода не бритая, на голове кепка.

Агент Савельев.

ЦГИА СПб. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 39. Л. 34-34 об.
Подлинник.

---

* Адресат не установлен.

№ 4. Донесение агента Келлера в Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в столице* по охране Елагино-островского дворца

23 мая 1909 г.

По охране Елагинского дворца все обстоит благополучно, на 23 мая назначен Финляндский совет в 9 час. вечера; господин министр внутренних дел выехал из Елагинского дворца в 11 час. 15 мин. утра, вернулся обратно в 1 час 50 мин. дня благополучно.

Келлер

ЦГИА СПб. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 39. Л. 43.

Подлинник

№ 5. Донесение исполняющего обязанности вице-директора Департамента полиции С. К. Ларионова начальнику Петербургского охранного отделения А. В. Герасимову⁴ об отъезде П. А. Столыпина в г. Ялту

21 марта 1909 г.

Его высокопревосходительство господин министр внутренних дел сего 22 марта с Севастопольским поездом, отходящим из г. Санкт-Петербурга в 11 час. 55 мин. вечера, изволит отбыть в Ялту.

Об изложенном имею честь сообщить Вашему превосходительству для зависящих распоряжений.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

С. К. Ларионов.

ЦГИА СПб. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 39. Л. 110.

Подлинник

№ 6. Удостоверение Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице по отделу Охранной команды старшему агенту И. Гаврилову о командировании его в г. Ялту

---

* Адресат не установлен.

12 марта 1909 г.

Предъявитель сего старший агент Охранной команды Санкт-Петербургского охранного отделения Иван Гаврилов, согласно распоряжения Департамента полиции, командирован мною по делам службы в город Ялту. Вследствие сего покорнейше прошу гг. начальствующих лиц оказывать в случае надобности Гаврилову законное содействие.

Подлинное подписал: ротмистр Лукьянов.

На документе помета: Таковые удостоверения выданы:

Николаю Слепенкову
Гавриилу Шиловскому
Якову Бокову
Николаю Демичеву
Петру Арнаутову
Георгию Байтуганову
Афанасию Антыкову
Алексею Шайтору
Федору Реброву
Николаю Вершинину
Александрю Черняеву
Константину Пятакову

ЦГИА СПб. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 39. Л. 74-74 об.

Подлинник

№ 7. Донесение агента И. Гаврилова в Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в столице* об организации охраны П. А. Столыпина в г. Ялте

19 марта 1909 г.

Ваше высокородие добрейший начальник Леонид Михайлович!

Имею честь доложить Вам следующие обстоятельства: в Ялту мы приехали 17 марта в 6 час. 30 мин. вечера, по приезде я тотчас же отправился к Попову и утром 18-го марта вместе с ним поехали в Ливадию, по дороге заезжали к Думбадзе⁵ и полковнику Янову⁶.

---

* Адресат не установлен.

Последний снабдил нас пропусчными билетами. По прибытии осмотрели местность. Келлер поместится на даче однофамильца «Хлебников»*, рядом с дачей, где в прошлом году жил «Швецов»**.

Пока открыли только два ларька денной и ночной до приезда Василия Харитонов. А потом, как пойдет торговля по местности придется еще открыть два ларька. Торговать [слово не разборчиво] будут Слепиков, Боков, Шиловский, Арнаутов, Шайтор и Пятаков. Жалованья они будут получать дорожное и квартира там готовая на 15 человек, а остальные приказчики будут торговать в разнос с 19 числа в Ялте.

По словам Попова к 23-му марта много прибудет пеших и конных. Погода стоит отвратительная, холодная, второй день идет дождь, страшная на местности грязь. 24 числа будет подробный осмотр дачи.

Приказчики все здоровы и шлют Вам сердечный привет.

И. Гаврилов.

Ялта, Симферопольская ул., дом Буритова, квар. Хапкина.

ЦГИА СПб. Ф. 1696. Оп. 1, Д. 39. Лл. 11-112.

Подлинник

№ 8. Докладная записка околоточного надзирателя Новодеревенского участка Лосева приставу Новодеревенского участка о наблюдении за подозрительными лицами

27 апреля 1909 г.

Имею честь доложить вашему высочородию, что 26 сего апреля около 4 час. дня постовым городовым от 1-го Елагина моста Неровным знак № 3194 был доставлен в управление участка неизвестного звания мужчина с небольшим фотографическим аппаратом, который задержан агентом охранной агентуры при Елагинском дворце Савельевым за производство фотографических снимков Елагино-островского дворца⁷ не имея на то разрешения. Доставленный неизвестный оказался австрийским подданным Карлом Карловичем Вопаленским, по занятию бухгалтер, проживающим в доме № 9

---

* Так в документе.

** Так в документе.

кв. 22 по Адмиралтейскому каналу, который по удостоверению звания по телефону был мною освобожден. Причем Вопаленский объяснил, что он по незнанию действительно произвел один фотографический снимок Елагиноостровского дворца и оставил негатив с произведенным им снимком который при сем прилагается.

ЦГИА СПб. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 39. Л. 162-162 об.
Подлинник

№ 9. Донесение старшего агента И. Гаврилова в Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в столице* о наблюдении за подозрительными лицами

24 мая 1909 г.

Сего числа в 3 час. утра на пост № 6 к пропускным воротам подошел молодой человек и спросил сторожа агента Герасимова нельзя ли передать в собственные руки письмо Петру Аркадьевичу Столыпину; Герасимов сейчас же сообщил мне, я сию же минуту вышел и спросил молодого человека что ему нужно, он назваля сыном надворного советника Александром Владимировичем Бзонгнером, 21 года, живет в д. 23, кв. 40 по Казанской улице, показывает собственноручное письмо на имя министра, в котором он излагает свое бедственное положение и просит пособие 100 руб., при этом добавляет, что он от Петра Аркадьевича получал три раза пособие по 20 рублей, но на последние три письма посланные им не получил никакого ответа.

О чем мною было доложено через околоточного надзирателя Шарко коменданту подполковнику Иванову, который приказал Бзонгнера отправить для удостоверения звания в Новодеревенский участок и сообщить в Охранное отделение.

О чем имею честь доложить Вашему высокоблагородию Иван Гаврилов.

ЦГИА СПб. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 39. Л. 259-259 об.
Подлинник

---

* Адресат не установлен.

*П. А. Столытин с семьей на террасе Елагинского дворца.
Фото 1907 г.*

№ 10. Копия телеграммы приставу полицейского управления в м. Кейданы Ковенской губернии* о необходимости усиления охраны П. А. Столыпина

13–15 июля 1909 г.

Предписывается вашему высокоблагородию в виду отсутствия из Петербурга его высокоблагородия председателя Совета Министров г. П.А. Столыпина Сурвилинской волости в имение Колнобержи в погонь затем из Петербурга выезжали летучий отряд анархистов, что от литовцев хитро выпытывалось как и где это имение, я об этом разузнав сегодня и обведомляю Ваше высокоблагородие, чтобы усилить охраны и в случае появления незнакомых русских немедленно арестовать и привлечь к судебной ответственности.

[Подпись не разборчива]

ЦГИА СПб. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 39. Л. 309-309 об.

Копия

№ 11. Донесение старшего агента И. Гаврилова в Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в столице** об организации охраны П. А. Столыпина в Ковенской губернии

17 июля 1909 г.

Имею честь доложить вашему высокоблагородию, у нас обстоит все благополучно. Хозяин наш ежедневно прогуливается по окрестностям пешком и верхом. Погода стоит холодная, дождливая, невылазная грязь.

15 сего июля в 8 час. вечера приезжал в имение Кейданский пристав и привез штаб-ротмистру Реку полученное им по почте письмо, которое штаб-ротмистр Рек препроводил начальнику Ковенского губернского жандармского управления. Мне пришлось достать копию с указанного письма, которую при сем предоставляю. Штаб-ротмистр приказал мне немедленно отправиться в Кейданы по железной дороге на станции Хотилово и Жеймы проверить находящихся

---

* Отправитель не установлен.

** Адресат не установлен.

там приказчиков, подбодрить их и предупредить, чтоб они мух не ловили, а смотрели более зорко.

Все здоровы.

И. Гаврилов

ЦГИА СПб. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 39. Л. 308-308 об.

Подлинник

¹ Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917). Окончил Училище правоведения, с 1860 г. служил в Сенате и в Министерстве юстиции, в основном занимаясь крестьянским вопросом. С 1894 г. – сенатор. В 1895–1899 гг. – министр внутренних дел. С 1899 г. – член Государственного Совета. В 1906 и 1914–1916 гг. – председатель Совета министров. 11 декабря 1917 г. был убит вместе с семьей в Сочи.

² Колноберже – имение Столыпиных в Ковенской губернии.

³ Аркадий Столыпин (1903–1990), профессиональный журналист, редактор агентства «Франс-Пресс». Образование закончил в эмиграции. С середины 1930-х гг. связал свою судьбу с Народно-Трудовым Союзом (НТС); в 1942–1949 гг. был председателем французского отделения НТС.

Наталья Столыпина (1889–1949). После взрыва 1906 г. навсегда осталась инвалидом. Была фрейлиной императрицы. В 1915 г. вместе с сестрой Ольгой совершила неудачную попытку побега на фронт. Замужем за князем Ю.Н. Волконским.

⁴ Герасимов Александр Васильевич (1861–1944). В 1889–1894 гг. – адъютант сначала Самарского, а затем Харьковского губернских жандармских управлений. С 1894 г. – помощник начальника Харьковского жандармского управления. В 1905–1909 гг. – начальник Петербургского охранного отделения. Благодаря сотрудничеству с Е. Азефом предотвратил много террористических актов. С 1909 г. – генерал для поручений при Министерстве внутренних дел по должности шефа жандармов. В отставке с 1914 г.

⁵ Думбадзе Иван Антонович (1851–1916), государственный деятель, генерал-майор свиты Николая II, градоначальник Ялты.

⁶ Янов Петр Николаевич (1853–1921), офицер лейб-гвардии Казачьего полка. В 1904–1914 гг. – заведующий Ливадийскими дворцовыми зданиями, с 1914 г. – помощник начальника Ливадийско-Массандровского удельного правления.

⁷ Снимок был произведен в тот момент, когда министр Столыпин сидел на одной из скамеек против дворца и попал в кадр.

*Валентина Анатольевна Меньшикова,
заведующая библиотекой г. Павловска*

Магнитная и метеорологическая обсерватория города Павловска

Павловск был известен как культурный центр. Его музыкальные вечера и театральные представления пользовались огромной популярностью у петербуржцев и гостей города. Рассказы и впечатления о них печатались на страницах наших петербургских газет. Отдавая должное этой стороне жизни города, необходимо напомнить, что Павловск в то же время являлся и научным центром. Именно здесь в конце XIX века, в юбилейный для города год, была построена магнитно-метеорологическая обсерватория.

К метеорологии интерес возник давно и с каждым годом возрастал. О важности и достоинствах недавно появившейся науки

еще в 1810 году говорил действительный член Императорского московского общества естествоиспытателей В. Н. Каразин, выступая перед своими коллегами. Он отмечал, что это наука, которая «предотвращала [бы] неурожаи, содействовала бы развитию торговли, мореплавания и военного искусства» [1]. В Санкт-Петербурге магнитные измерения стали производиться с 1830 года, но были они случайными и бессистемными. В 1840 году по настоянию члена Академии наук А. Я. Купфера при Горном институте была основана новая магнитная и метеорологическая обсерватория, а в дальнейшем и целая сеть обсерваторий при горных заводах на Урале и в Сибири. Результаты наблюдений передавались в обсерваторию при Горном институте, которая с 1 апреля 1849 года была преобразована в Главную физическую обсерваторию [2]. Все сведения, получаемые с метеостанций, собирались в одни и те же часы, по определенной системе, а в Главной физической обсерватории они систематизировались. В течение 26 лет проводились различные наблюдения, но с каждым годом все сложнее становилось получать точные метеоданные. Местность, отобранная ранее для строительства обсерватории и полностью отвечавшая требованиям, претерпела резкие изменения. Вокруг обсерватории появились фабрики и заводы, в которых присутствовало железо, влиявшее на точность магнитных измерений. Кроме того, многочисленные транспортные средства производили сотрясения, вредные как для самих инструментов обсерватории, так и для точности получаемых данных.

Решение этой проблемы директор Главной физической обсерватории Генрих Иванович Вильде видел в перенесении обсерватории в другое место: незастроенное, с небольшим уличным движением, где на долгое время были бы обеспечены неизменные условия. В 1874 году Г. И. Вильде ходатайствовал перед Академией наук об отыскании такого места. Сложность заключалась в том, что необходимо было не только найти подобную местность, но и построить новые здания, перевезти оборудование. На все эти работы нужны были большие средства, которых не имелось. Помог решить такую сложную задачу владелец Павловска Великий князь Константин Николаевич, уступив земли под постройку зданий магнитно-метеорологической обсерватории в удаленной части Павловского парка. Из сохранившейся переписки управляющего городом Павловском и

мызою Стрельна К. П. Голенко и директора обсерватории Г. И. Вильде стали известны первоначально предлагаемые условия аренды земель и расположение будущей обсерватории. В письме от 13 июля 1874 года К. П. Голенко сообщает Г. И. Вильде: «...препровожаю...план участка земли, находящегося в 1-й части г. Павловска, близ Константиновского дворца, по Ижорской дороге...участок этот заключает в себе 4874 кв. саж. и может быть уступлен или в полную собственность обсерватории за единовременную поземельную плату по 2 р. за кв. саж. всего 9748 р. или же на бессрочное время за арендную плату по 5% с вышеозначенной суммы, т.е. по 487 р. 40 к. в год» [3]. Спустя шесть дней Г. И. Вильде вместе со своим помощником капитаном-лейтенантом М. А. Рыкачевым посетил Павловск с целью осмотра земельного участка, отводимого для обсерватории. Предложенное место не подходило, но было найдено другое, отвечавшее всем требованиям. Оно было удалено от Константиновского дворца, располагало большей площадью, там «боковые дороги более расходятся», но главное, что по дороге в селение Этюп наблюдалось совсем незначительное движение. В связи с этим академик Г. И. Вильде обратился с просьбой о выделении выбранного им участка как более подходящего для расположения обсерватории.

Ответ на данную просьбу был получен не сразу. Об окончательном решении по условиям отвода земель под обсерваторию можно узнать из письма от 31 октября 1874 г. управляющего Павловском К. П. Голенко графу Ф. П. Литке. (Федор Петрович Литке – Президент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук с февраля 1864 г. по апрель 1882 г., почетный член Академии с 1855 г. [4]). В письме выражается воля владельца Павловска Великого князя Константина Николаевича и сообщается, что земли для обсерватории предоставляются в «распоряжение Императорской Академии наук безвозмездно», но с одним условием, чтобы «...земля эта оставалась собственностью Павловского имения и была передана обратно в Павловское городское правление в случае перемещения обсерватории в другие места» [5].

1 июня 1875 г. вышел указ Государственного Совета об учреждении в Павловске магнитно-метеорологической обсерватории. Согласно указу, Павловская обсерватория подчинялась Главной

физической обсерватории и должна была передавать в нее необходимые наблюдения: метеорологические и магнитные, физические измерения разного рода. Сотрудники магнитно-метеорологической обсерватории в Павловске должны были не только собирать материалы наблюдений, но и проводить испытания, вводить новые виды наблюдений. На строительство обсерватории и снабжение ее необходимым оборудованием отпускались средства из Государственного казначейства в размере 129164 рублей 16 копеек. Предполагалось выделение денежных средств частями, в течение двух лет, начиная с 1876 года [6].

Тогда же, 1 июня 1875 г., был утвержден штат Павловской магнитно-метеорологической обсерватории, в который входило 6 человек: заведующий обсерваторией, старший наблюдатель, 3 младших наблюдателя и механик. На жалованье сотрудникам, хозяйственные потребности и командировочные разъезды выделялась сумма в размере 13500 рублей, из которых жалованье заведующего составляло – 2400 рублей [7].

Планы и проекты зданий обсерватории, их размещение на участке разрабатывались в течение 1875–1876 гг. по указанию директора ГФО Г. И. Вильде. Составлены проекты архитектором Академии наук Федором Карловичем Больтенгагеном, а исполнение было поручено морскому инженеру Алексею Чикалеву [8]. Проекты всех зданий в Павловске утверждал его владделец. 14 июня 1875 г. Великий князь Константин Николаевич утвердил и «фасады предполагаемых построек Физической Обсерватории в г. Павловске» [9].

14 мая 1876 года, до начала строительства Павловской обсерватории, была учреждена Комиссия под ведением комитета правления Академии Наук для надзора за ходом работ. В нее вошли – директор ГФО академик Г. И. Вильде, советник комитета правления Академии наук статский советник Н. Ланге. Возглавлять эту комиссию президент Академии наук Ф. П. Литке предложил управляющему Павловском – действительному статскому советнику К. П. Голенко, как человеку знакомому с местными условиями и способному принести «существенную пользу делу этого сооружения» [10].

В апреле 1876 г. Императорской Академией наук было получено свидетельство из Павловского городского правления на предоставление участка земли Академии наук для устройства физической

обсерватории за подписями управляющего Павловском К. П. Голенко, архитектора И. Я. Потолова и секретаря В. И. Антонова. В этом свидетельстве указан размер предоставленного участка – «13800 саж. или 5 десятин 1800 кв. саж.» [6 га. – В. М.] [11]. «На подлинном плане рукою Его Императорского Высочества написано “Утверждаю”. Константин. 21 апреля 1876 г.» [12]. Но спустя 5 месяцев, 22 сентября 1876 г. академией наук было получено второе и последнее свидетельство с измененными, увеличенными размерами участка на 1 десятину 1791 кв. саж. [13] «В означенном участке состоит мерою земли по линии... в селение Этюпа 176 саж. [было 120. – В. М.], по линии... с землею ведомства Павловского Городового Правления 135 саж. [было 120], ...по дороге в Ям-Ижору 120 саж. [было 115] и... по дороге в Федоровский посад 115 саж., всего квадратного пространства – семь десятин одна тысяча сто девяносто одна кв. саж.» [14]. [В скобках после указания размеров стоят данные по первому свидетельству. – В. М.]

В мае 1876 г. после проведенных согласований с разрешения Правительствующего Сената был заключен контракт на производство всех работ между потомственным почетным гражданином, царско-сельским купцом 1-й гильдии Петром Федоровичем Сакулиным и Комитетом правления Императорской Академии наук [15]. Контракт был очень подробным и четким: включал перечень зданий, которые необходимо возвести, сроки окончания работ, оценочную сумму работ, обязательства самого подрядчика. Петр Федорович обязан был построить в Павловске здания по утвержденным чертежам на следующих условиях:

1. Работы производить своими людьми и инструментом из собственных материалов за оптовую сумму 115 тысяч рублей серебром.
2. Общий срок окончания работ с отделкой – 31 октября 1877 года.
3. Сроки окончания работ по каждому зданию разные, выполнение их обязательно.
4. Все металлические части должны быть медными.
5. Материалы должны быть такого качества, какое указано в ведомости.

6. При производстве работ находиться на рабочем месте или же оставлять вместо себя доверенное лицо.

7. По данному подряду представить в казну залог на сумму 12000 рублей.

8. Принятый подряд не имел права передавать в другие руки даже частями.

9. При невыполнении работ в означенный срок без уважительной причины казна может распоряжаться его залогом по своему усмотрению.

Выплата денег должна была производиться из Главного Казначейства по мере выполнения работ.

Закладка здания магнитно-метеорологической обсерватории была совершена в пятницу, 21 мая 1876 г. «во втором часу пополудни в присутствии Великого князя Константина Николаевича и его Августейших сыновей Дмитрия и Вячеслава... При церемонии присутствовали также: президент Академии Наук генерал-адъютант адмирал Ф. П. Литке, управляющий Морским министерством, генерал-адъютант С. С. Лесовский, генерал-адъютант А. А. Попов, вице-адмирал барон В. Ф. Таубе, директор гидрографического департамента Г. А. Вевель фон Кригер, князь Ширинский-Шихматов, директор главной физической обсерватории Г. И. Вильде и многие другие» [16].

Строительство обсерватории и прилегающих зданий началось в мае 1876 г. [17]. По дороге, ведущей в Федоровский посад, посредине участка установили входные ворота. Напротив них было построено главное здание с башней и квартирами для служащих. «Вокруг участка Обсерватории находился лес. Всего сооружено 8 зданий, из которых собственно для ученых целей служат 3 больших.., остальные 5 строений назначены под квартиры служащих и склады» [18]. Участок был огорожен решетчатым забором. Главное здание было двухэтажным, построено из кирпича. Наружные стены его не были оштукатуренными, а внутренние, в отличие от них, оштукатурены. Внутри стены были окрашены или оклеены обоями. Полы в нижнем этаже были мозаичные, частично асфальтовые, а в верхнем этаже – настлан паркет. Крыша здания была крыта железом. Отопление здания осуществлялось с помощью амосовской печи, расположенной в центральной части здания.

Нагретый воздух проходил по трубам и таким образом отапливал все здание. Но были в здании и голландские печи, а также камины.

Башня главного здания была каменной, высотой 11 или 12 саженей. В разных источниках высота указана неодинаковая. Верхняя решетка башни была металлической. В средней части башни располагался железный бак на 200 ведер, вокруг которого была лестница, ведущая на ее верхнюю наружную площадку. В нижнем этаже находились помещения для инструментов, лаборатории, мастерские, помещения для парового котла и отдельное помещение для парового насоса.

В верхнем этаже был спроектирован **круглый зал**, где размещались те инструменты, которые требовали сохранения постоянной температуры. Это хронометры, часы с электрическим замыкающимся маятником, анемограф, самопишущий прибор, барограф системы Вильде.

Вокруг зала располагались кабинеты заведующего, архив, комнаты для дежурного наблюдателя, телефонная станция для переговоров с магнитными павильонами, а также библиотека. Библиотека была подарена статс-секретарем А. В. Головиным и состояла из редких книг и атласов, иллюстрированных изданий. В фонде библиотеки было около 5000 томов.

Как и главное здание, все жилые и хозяйственные постройки были расположены недалеко от въезда. Так, с левой стороны главного здания была одноэтажная пристройка.

Со стороны сада к фасаду главного здания примыкала деревянная с боковыми стенами, крытая толем, **площадка**. С правой стороны от нее был построен двухэтажный **деревянный дом для служащих**. Снаружи стены дома были окрашены масляной краской, изнутри стены оштукатурены. В этом доме находились квартиры заведующего обсерваторией, его помощника, троих наблюдателей и механика.

Павловская обсерватория

Жилой дом для сотрудников обсерватории

Сбоку от дома для служителей был построен ледник. На территории обсерватории был **каменный колодец**, из которого накачивали воду для главного здания и дома для служащих. В этих зданиях были и раковины, и ватерклозеты.

С левой стороны от площадки, напротив главного здания, находился одноэтажный деревянный **флигель для служителей**. Позади флигеля стояло одноэтажное деревянное строение с «мансардовой крышею». Это были **службы**, где размещались сарай, конюшни и хлев.

Здания для проведения магнитных наблюдений, так называемые магнитные **павильоны**, были построены посередине участка на расстоянии 40 саженей (85 м) друг от друга и 75 саженей (160 м) от дороги [19].

По левой стороне участка располагался **каменный павильон** для вариационных магнитных наблюдений или **подземный магнитный павильон**. Он состоял из двух отдельных комнат, разделенных коридором и окруженных со всех сторон галереями с кирпичными

сводами. Над верхними сводами и вокруг наружных стен была земляная насыпь, покрытая сверху дерном. Павильон был из кирпича и цемента. В нем существовало отопление и вентиляция. И зимой, и летом здесь сохранялась температура 20° С, что положительно влияло на точность измерений. Все строительные элементы здания, такие, как дверные ручки, замки, засовы и подобные им детали были выполнены из желтой и красной меди. В одном зале был установлен магнитограф Эди – самопишущий прибор для постоянного отображения колебаний и перемен земного магнетизма на фотографической бумаге. В другом зале – магнитометры, фотографический барограф и другие.

Для абсолютных магнитных наблюдений и измерений построен **деревянный одноэтажный магнитный павильон**. В этом павильоне не было ни грамма железа, все металлические части изготавливались из меди. Среднее помещение освещалось «одним большим просветом, выходящим сквозь крышу» [20]. В обоих павильонах были установлены часы, соединявшиеся с часами главного здания и отмечавшие одно и то же время, что делало все измерения более точными. Кроме того, существовала целая система переговоров с помощью видимых условных знаков, а также переговоров по телефону.

Все магнитные приборы были установлены на гранитных столбах, стоящих на особых фундаментах. Оборудование Павловской обсерватории были на то время лучшим в мире. Имевшиеся приборы помогали отмечать атмосферное давление через каждые 5-10 минут, температуру и влажность воздуха, направление, скорость, составляющие ветра, магнитное напряжение, даже определение температуры почвы на разной глубине и др.

Стоимость всех работ по возведению обсерватории, по свидетельству архитектора К. Ф. Больтенгагена, составила 117 134 рубля 94 копейки [21]. Строительство, начатое в мае 1876 г., в 1877 г. было уже закончено. В письме от 20 мая 1877 г. президенту Академии наук графу Ф. Н. Литке управляющий Павловском К. П. Голенко сообщает: «постройка обсерватории в Павловске окончена и остается только закончить внешнюю отделку, которая также будет исполнена к 29 числу июня, дню юбилея Павловска.

К тщательному выполнению работ и к окончанию их в продолжении одного года, весьма много способствовали своей безукоризненной деятельностью: директор Главной Физической Обсерватории, статский советник Вильде, советник комитета Академии наук, статский советник Ланге и производитель работ – старший строитель Санкт-Петербургского порта, инженер-капитан Чикалев. Принявший на себя подряд по постройке обсерватории Почетный гражданин Сакулин производил работы... с добросовестностью, несмотря на очевидные убытки, которые он должен понести по подряду». Здесь же К. П. Голенко обращается с просьбой о награждении перечисленных лиц: Г. И. Вильде, Н. Ланге – чином действительного статского советника, А. Н. Чикалева и П. Ф. Сакулина – орденом Св. Анны 3 степени [22].

Обсерватория была построена в кратчайшие сроки и вместе с тем с необыкновенной тщательностью. Все было продумано до мелочей. Приборы, расположение новой обсерватории – удовлетворяли всем необходимым требованиям. Подтверждением этих слов служит выдержка из статьи, помещенной в журнале «Нива» за 1881 год: «Доказательством отличного устройства обсерватории служит то обстоятельство, что... ежегодно, со времени ее сооружения, посещают нашу обсерваторию иностранные ученые с целью ближе ознакомиться с новейшими усовершенствованными инструментами и разными приемами магнитных наблюдений. Публике дозволяется вход в обсерваторию по субботам с 2 часов до 5 пополудни» [23]. Там же отмечено, что Главная Физическая Обсерватория, вместе с подчиненной ей Павловской обсерваторией, занимает по полноте и точности магнитных и метеорологических наблюдений одно из первых мест в Европе.

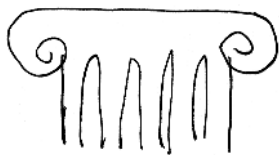
Павловск на свой первый крупный юбилей получил необыкновенный подарок, прославивший город на многие годы. Открытие обсерватории состоялось 21 мая 1878 г. По свидетельству сотрудника обсерватории более позднего периода С. И. Савинова она в полном объеме уже стала действовать с 1 января 1878 г. и данные наблюдений с этого времени начали печататься в 1-й части «Летописей Главной Физической Обсерватории».

И спустя 50 лет после постройки обсерватории было отмечено, что выбор места был необыкновенно удачен: земли так и оставались незастроенными, неизменность условий на долгие годы была исполнена.

1. Русская старина. – 1871. – Т. 3. – С. 719.
2. Магнитная и метеорологическая обсерватория в г. Павловске // Зодчий. – 1878. – № 4. – С. 45.
3. РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16600. Л. 9.
4. БСЭ. – Т. 1. – С. 321.
5. РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16600. Л. 15.
6. Там же. Л. 24.
7. Там же. Л. 50.
8. Магнитная обсерватория в Павловске // Всемирная иллюстрация. – 1878. – Т. 20. – С. 181.
9. РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16600. Л. 21.
10. Там же. Л. 35.
11. Там же. Л. 32.
12. Там же. Л. 14а.
13. Там же. Л. 43.
14. РГИА. Ф. 493. Оп. 8. Д. 44.
15. РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16600. Л. 4-5.
16. Биржевые ведомости. – 1876. – 26 мая. – С. 2.
17. *Савинов С. И.* Очерки деятельности Магнитно-метеорологической Обсерватории в Слуцке (Павловске) за 50 лет. 1878–1927. – Л., 1927. – С. 5.
18. *Мец О.* Метеорологическая обсерватория в г. Павловске // Нива. – 1881. – № 44. – С. 966.
19. Магнитная обсерватория в Павловске // Всемирная иллюстрация. – 1878. – Т. 20. – С. 182.
20. Метеорологическая и магнитная обсерватория в г. Павловске // Зодчий. – 1878. – № 4. – С. 46.
21. Метеорологическая и магнитная обсерватория в г. Павловске // Зодчий. – 1878. – № 4. – С. 47.
22. РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16600. Л. 64.
23. *Мец О.* Метеорологическая обсерватория в г. Павловске // Нива. – 1881. – № 44. – С. 967.
24. Там же. – С. 966.

Зодчие

*Валерий Григорьевич Исаченко,
архитектор*

Ленинград послевоенный (1945–1955 гг.)

Всякий раз, когда заходит разговор об архитектуре «блистательного Петербурга», привычно и уверенно называют произведения барокко и классицизма, эклектики и модерна, т.е. до 1917 года. Ни один из моих слушателей (от школьника до профессора вуза) так и не ответил на простой вопрос: назовите самый грандиозный памятник архитектуры и строительного искусства. (Ответ – метрополитен). Никто не ответил на вопрос: когда было сооружено более всего мостов и набережных, школьных и медицинских зданий, садов и парков и т.д. Странно, не правда ли? При том, что ответ лежит на поверхности.

В 1970 – начале 1980-х гг., часто общаясь с зарубежными архитекторами, я слышал от них одну и ту же просьбу: у вас (т.е. в Ленинграде) прекрасная классика (барокко, модерн...), но это есть и в Европе, а покажите нам то, чего нигде нет – классику послевоенных

лет (они имели в виду первое послевоенное десятилетие). Они просили показать им Среднеохтинский проспект и Новую Деревню. Пока наши историки более сорока (!) лет штудировали модерн, французы, англичане, немцы и «разные прочие шведы» с энтузиазмом, восхищением и весьма успешно изучали нашу архитектуру героического послевоенного десятилетия, которое ещё не осмыслено нами как уникальное явление отечественной культуры. Иностранцы, а не мы справедливо оценили наш метрополитен (конечно, первую очередь, как крупнейший памятник зодчества).

Незабываемые воспоминания детских лет: быстрое возрождение разрушенных домов и строительство новых в историческом центре и на бывших окраинах. Возвращаясь из школы, я с удивлением замечал, что дома на моём пути становились выше. Строители работали с энтузиазмом, не исключая и пленных немцев, заинтересованных в скорейшем возвращении домой. Немцев не обижали, и они работали добросовестно. Так создавался мой (именно мой) Ленинград – с многочисленными садами, скверами, спортивными площадками и т.д.

Как восстанавливать и строить? Такого вопроса не было, и городские власти, и проектировщики, и горожане были единодушны – конечно, в традиционных, но творчески осмысленных классических формах. К названию города обычно добавлялось прилагательное – «классический».

Определение «сталинский ампир»¹ ныне столь же привычно как «александровский классицизм» или «елизаветинское барокко». Две Отечественные войны вызвали родственные явления во всей культуре. Недаром ленинградские зодчие вдохновлялись творениями Захарова, Кваренги, Стасова... Это было логично и естественно.

Впечатляет количество высокоталантливых зодчих, высокий архитектурно-художественный уровень и качество построенных за короткий срок зданий. При самом строгом отборе я без труда составил список бесспорно выдающихся построек – их оказалось не менее 150. Сюда не вошли дома среднего уровня – их, наверное, ещё больше, но и они не стали диссонансом в городской среде.

---

¹ Правильнее было бы назвать этот стиль послевоенной ленинградской классикой.

К большому огорчению, эти зодчие ушли из жизни, не оставив мемуаров, не дождавшись монографий или хотя бы статей. Обидно и нелепо. О какой объективной истории архитектуры можно говорить?

Много громких слов сказано и написано о неоклассицизме начала XX века. Книгу о ленинградской классике середины XX века можно создать только усилиями большого авторского коллектива. Многое уже утрачено.

В послевоенные годы преобразилась Петроградская сторона. В этих заметках я не касаюсь процесса крупномасштабных проектных и строительных работ. Назову хотя бы некоторые здания, без которых уже не представить этот район. Когда-то я назвал Каменно-островский проспект «энциклопедией модерна». Эффектно, но не более того. Вряд ли уступают модерну дома № 2, 15, 25, 34, 47 (арх. О. И. Гурьев и др.). Сыновья А. П. Вайтенса прекрасно завершили начатый в начале XX в. дом № 39. Вполне законченной и привлекательной стала площадь Шевченко, которая может быть темой отдельной экскурсии. Справедливости ради отметим, что позднее на проспекте и рядом с ним появились отличные дома, и, таким образом, на этой магистрали можно изучать все этапы развития архитектуры XX – начала XXI века. Интереснейшая тема!

Все «стили» и «направления» мирно уживаются здесь, дополняя друг друга, и едва ли не каждый дом должен быть признан объектом культурного наследия. Обратим внимание на высокий профессионализм создателей этой магистрали.

Отличные дома появились на набережной Ждановки, на Большом проспекте, улицах Ленина, Чапыгина, Б. Пушкарской, Корпусной, Куйбышева, Кронверском проспекте и др. Все они стали украшением района и всего города. Вспомним величественное здание Ленпроекта (его богатая пластика оправдана местоположением), Дом ветеранов сцены на Петровском острове, стадион им. Ленина. Я уже не говорю о Приморском парке Победы и уничтоженном стадионе – памятнике европейского зодчества. Все это наследие нужно осмысливать, изучать на фоне трехвековой истории города, одновременно(!) и углублённо изучая процессы, происходившие в изобразительном искусстве той поры. Ведь зодчие Ленинграда были профессиональными художниками, не уступавшими своим собратьям – живописцам, графикам,

Светлановская площадь

мастерам декоративно-прикладного искусства (Б. Н. Журавлёв, А. С. Никольский, И. М. Чайко, Н. В. Баранов, Е. А. Левинсон, А. В. Васильев, Н. М. Назарьин и многие другие).

Эти мои заметки могут быть бесконечными – ведь говорить можно о каждом ансамбле, комплексе и доме; о каждом авторе. Многие зодчие, названные выше и десятки других, давно уже стали классиками. Это были люди высокой культуры, каждый был личностью, и их постройки выражали индивидуальность творцов. И в каждом отразилась эпоха, первое послевоенное десятилетие.

Решительно изменила облик Выборгская сторона, застройка которой осуществлялась по проектам мастерской Ленпроекта, руководимой В. Ф. Беловым. Б. Сампсониевский проспект, Кантемировская и Светлановская площади, проспект Энгельса... Речь идёт не об отдельных хороших домах (хотя и их немало), а именно о целом районе, переставшим быть фабричной окраиной. Очень хорош жилой район у станции метро «Удельная».

Среднеохтинский проспект

Комсомольская площадь

Старая Деревня. Приморский проспект. 1956 г.

В лучших традициях русского классицизма были сооружены дома-пропилеи на Суворовском проспекте (№ 15 и № 17) и близ моста им. Петра Великого – т.н. «Охтинская прорезка» (арх. И. И. Фомин, М. К. Бенуа).

Одна из лучших построек М. Я. Климентова дом № 109 на Садовой улице. Главный архитектор города (после Н. В. Баранова) В. А. Каменский – автор многих замечательных домов на проспекте Стачек и великолепного (иначе не сказать) ансамбля Комсомольской площади.

Я вспомнил лишь малую часть наследия, созданного нашими классиками. Они плодотворно трудились и в последующие годы. А пока ответу на самый главный вопрос: как в целом в послевоенное десятилетие изменился наш город? Безусловно, он стал гораздо краше, сохранив лучшее из созданного в XVIII – начале XX вв.

КРАТКИЙ ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

Адреса	Архитекторы	Годы
Академика Лебедева ул., д. № 7-9	А. К. Баручев, Я. О. Рубанчик	1949 – сер. 1950-х
Академика Павлова ул., д. № 146 – 16	А. П. Щербенок	1947 – 1950
Английский пр., д. № 21	С. А. Пермский	1946 – 1950
Блохина ул., д. № 23	Я. О. Свирский	1952 – 1953
Большой пр. В.О., д. 31. Дом институтов АН СССР	П. И. Трубников, Б. М. Серебровский	1950-е
Большой пр. В.О., д. № 72, 74, 87, 89	И. М. Чайко	1955
Большой пр. В.О., д. № 76, 78	В. В. Хазанов	1955–1956
Большой пр. В.О., д. 18 Андреевский рынок. Новый корпус	М. Я. Климентов	1959
Большой пр. П.С., д. № 27, 41, 94	Я. Н. Лукин	1950-е
Большой пр. П.С., д. № 34-36	А. И. Князев, В. М. Фромзель	1952
Гончарная ул., д. № 15. Школа	А. И. Гордеев	Начало 1950-х
Графский пер., д. № 8. Школа	Б. Н. Журавлёв	Начало 1950-х
Грибоедова канала наб., д. № 76. Школа	М. Я. Климентов, М. А. Шепиловский	1946–1947

Грибоедова канала наб., д. № 162	М. Я. Климентов	1950-е
Дворцовая наб., д. № 16	И. И. Фомин, М. К. Бенуа	1951
Ждановская наб. Стадион им. В. И. Ленина («Петровский»)	Н. В. Баранов, О. И. Гурьев, В. М. Фромзель	1957–1961
Заневская пл. (ансамбль)	В. Ф. Белов, Н. А. Зазерский, А. А. Оль	1950-е
Каменноостровский пр., д. № 2, 25, 27, 34, 47	О. И. Гурьев, В. М. Фромзель	1949–1950-е
Каменноостровский пр., д. № 15	О. И. Гурьев, А. П. Щербенок	1951–1952
Комплекс домов возле станции метро «Удельная»	А. В. Жук, О. И. Гурьев, В. М. Фромзель, В. Я. Душечкина, А. К. Барутчев, А. Я. Мачерет	1946–1948
Комплекс домов- коттеджей в Сосновой Поляне	А. А. Оль, Н. А. Зазерский	1950-е
Комсомольская пл.	В. А. Каменский, С. Г. Майофис	1955–1960
Кронверкский пр., д. № 73	Н. М. Назарьин	1950-е
Кузнецовская ул., д. № 30	Б. Н. Журавлёв, В. Э. Струзман	1953–1956
Куйбышева ул., д. № 8	М. Е. Русаков	1950–1951

Ленина пл., д. № 1. Райсовет и концертный зал	Н. В. Баранов, Г. И. Иванов, Н. Г. Агеева	1952–1954
Ленина ул., д. № 43	Я. Н. Лукин	1949–1951
Ленина ул., д. № 44	М. Е. Русаков	1949–1951
Лиговский пр., д. № 107	И. М. Чайко, Б. М. Серебровский	1946–1947
Лизы Чайкиной ул., д. № 8	Н. М. Назарьин	1950-е
Малый пр. П.С., д. № 77-79, 83	Л. Л. Шретер	1950-е
Марата ул. – Подъездной пер. Дома – пропилеи	В. Н. Полухин	1950-е
Маяковского ул., д. № 8. Школа	Е. И. Травников	1954
Маяковского ул., д. № 9	М. Я. Климентов	1949
Мойки наб., д. № 124, двор. Детсад	М. Я. Климентов	1950-е
Московский пр., д. № 13. Корпус ЛИИЖТа	В. И. Кузнецов, В. В. Поздняков	1949-1952
Главное здание метрополитена и станция «Технологический институт»	А. К. Андреев, А. М. Соколов	1952–1955
Московский пр., д. № 37	В. А. Каменский, Г. Л. Ашрапян, В. А. Мочалов	1952
Московский пр., д. № 202	М. Е. Русаков, В. М. Фромзель	1953

Московский парк Победы	Е. И. Катонин, В. Д. Кирхоглани	1945–1950
Московский пр., д. № 79	Л. А. Ильин, А. М. Арнольд	1938, 1950
Московский пр., д. № 163 – пл. Чернышевского. Дома у гостиницы «Россия»	Б. Н. Журавлёв	1950- е
Московский пр., д. № 184	Б. Н. Журавлёв	1950-е
Московский пр., д. № 202. Жилой дом с кинотеатром «Дружба»	М. Е. Русаков, В. М. Фромзель	1953
Наличная ул., д. № 3, 5, 7	Б. М. Серебровский	1950-е
Наличная ул., д. № 8. Институт	Д. П. Бурьшкин	1947–1949
Наличная ул., д. № 15 а, 19-21	И. М. Чайко	1955
Невский пр., д. № 68	Б. Н. Журавлёв, И. И. Фомин	1944–1950
Невский пр., д. № 87 (за Московским вокзалом)		1950-е
Невский пр., д. № 175	Д. С. Гольдгор	1950-е
Невский пр., д. № 184	А. В. Васильев	1955
Невский пр., д. № 107	В. Ф. Белов, Е. М. Лавровская	1953
Новгородская ул., д. № 5	А. В. Васильев	1950-е

Обуховской обороны пр., д. № 15, 17, 23	Л. Ю. Гальперин Э. И. Ярмолинский	1950-е
Обуховской обороны пр., д. № 79, 81	А. В. Васильев	1952–1953
Петровский пр., д. № 13. Дом ветеранов сцены	В. Н. Галепоровский, Ф. И. Милюкова	1946–1958
Пестеля ул., д. № 11. Мемориальная стена	В. А. Каменский, А. А. Лейман	1947
Пискарёвский мемориал	А. В. Васильев, Е. А. Левинсон	1950-е
Приморский парк Победы	А. С. Никольский и др.	1950-е
Приморский пр. – ул. Савушкина. Жилой комплекс	Н. В. Баранов, О. И. Гурьев, В. Ф. Белов и др.	1946–1948
Приморский пр., д. № 69. Проектный институт	И. Б. Орлов, Ю. С. Ушаков	1950-е
Б. Пушкарская ул., д. № 52	В. Ф. Белов, Е. М. Лавровская	1950-е
Рентгена ул., д. № 6	О. И. Гурьев	1950-е
Садовая ул., д. № 109	М. Я. Климентов	Нач. 1950-х
Сенная пл., д. № 9	М. Я. Климентов	Нач. 1950-х
Б. Сампсониевский пр., д. № 17	В. Ф. Белов, Л. М. Гольдвассер	1951–1953
Б. Сампсониевский пр., д. № 18, 20	Г. И. Иванов, Я. Е. Москаленко	1950-е
Б. Сампсониевский пр., д. № 40	С. А. Пермский	1946–1962

Б. Сампсониевский пр., д. № 70-74	В. Ф. Белов, В. А. Потапов, А. В. Гордеева, Н. А. Зазерский	1950-е
Б. Сампсониевский пр., д. № 79. Жилой дом и кинотеатр «Спорт»	В. Ф. Белов	1950-е
Б. Сампсониевский пр., д. № 84	А. В. Жук	1951
Б. Сампсониевский пр., д. № 108	В. Ф. Белов, В. А. Потапов, М. П. Савкевич	1950-е
Светлановская пл. (пр. Энгельса, д. № 21 – 25)	В. Ф. Белов, Л. Л. Шретер, М. П. Савкевич	1950-е
Среднеохтинский пр. Жилые дома	А. К. Барутчев, Я. О. Рубанчик	1950-е
Стачек пр., д. № 77 и 96 (дома – пропилены).	В. А. Каменский, А. Я. Мачерет, Г. Л. Ашрапян	1951
Стачек пр., д. № 41	В. А. Каменский, В. И. Мочалов	1951
Стачек пр., д. № 67	В. А. Каменский, Г. Л. Ашрапян	1952
Стачек пр., д. № 16, 28, 55, 57, 74	В. А. Каменский и коллектив	1950-е
Стачек пр., д. № 140 (Жилой городок Кировского завода)	Л. Л. Шретер и коллектив	1950–1964
Суворовский пр., д. № 8	А. И. Прибульский	1950-е
Суворовский пр., д. № 15- 17 (дома – пропилены)	М. К. Бенуа, И. И. Фомин	1950–1952

Суворовский пр., д. № 56	С. Б. Сперанский, Г. А. Александров, И. И. Фомин	1954
Суворовский пр., д. № 62. Административное здание	Д. С. Гольдгор	1950-е
Суворовский пр., 2-я Советская, д. № 9 (институт «Атомпроект»)	А. В. Васильев	1957
Тверская ул., д. № 5		1950-е
Тверская ул., д. № 10-12 (дома – пропилен).	А. И. Прибульский	1950-е
Троицкая пл., д. № 3, 5. Институт «Ленпроект» и жилой дом	О. И. Гурьев, Я. Н. Лукин, А. П. Щербенок	1950-е
Тульская ул. Дома – пропилен («Охтинская прорезка»)	И. И. Фомин, М. К. Бенуа	1949–1951
Энгельса пр., д. № 13-15	В. Ф. Белов и коллектив	1950-е
Энгельса пр., д. № 30-34	В. Ф. Белов, А. В. Гордеева	1950-е

Павильоны станций 1-й очереди метрополитена – 1955 г.

Название станции	Архитекторы
«Площадь Восстания».	Б. Н. Журавлёв, В. В. Ганкевич, И. И. Фомин
«Владимирская»	Г. И. Александров, А. В. Жук, А. И. Прибульский
«Пушкинская».	Л. М. Поляков, А. С. Гёцкин, А. А. Грушке, В. П. Шувалова
«Технологический институт».	А. М. Андреев, А. К. Соколов
«Балтийская».	М. К. Бенуа, Ф. Ф. Олейник, А. И. Кубасов
«Нарвская»	А. В. Васильев, Д. С. Гольдгор, С. Б. Сперанский
«Кировский завод»	А. К. Андреев
«Автово»	Е. А. Левинсон, А. А. Грушке

*Наша книжная
полка*

Э. Г. Шрадер, Т. Вуори

История фотоателье «А.Рентцъ и Ф.Шрадеръ»

Бышла в свет книга о фотоателье «А.Рентцъ и Ф.Шрадеръ», работавшем в Санкт-Петербурге на Большой Морской ул. с 1877 по 1917 гг. / Э. Г. Шрадер, Т.Вуори. – СПб.: Северная звезда, 2011. – 155 с., 131 ил.

Ниже публикуем обзор книги, написанной по нашей просьбе одним из авторов.

Первое небольшое сообщение о фотоателье «А.Рентцъ и Ф.Шрадеръ» было сделано в 2005 г. на научной конференции

«Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект» и тогда же опубликовано в 3-м выпуске её трудов.

Дальнейшая работа по поиску новых документов и сведений об этом ателье была продолжена и дала результаты, которые позволили их изложить в отдельной книге «История фотоателье «А.Рентцъ и Ф.Шрадеръ» (1877 – 1917)».

Фотоателье неизменно находилось 40 лет на Большой Морской ул. (с 1903 г. – Морская ул.) с 1877 по 1917 гг., но четырежды меняло свой адрес. При этом оно ещё почти 20 лет имело летом своё Отделение в Старом Петергофе. Сначала по адресу, как написано на самих бланках фотографий «УГОЛ ПЕТЕРБУРГСКОЙ И МАНЕЖНОЙ УЛ. № 1», а потом на той же улице в доме 4/59.

Профиль работы фотоателье «А.Рентцъ и Ф.Шрадеръ» относится к жанру «Портрет», но известны большие и не очень групповые снимки. Среди портретируемых – фотографии лиц, известных и в наше время. Это царствующие особы, министры, чиновники высокого ранга, обер-прокурор Синода, представители потомственного дворянства России, военные различных рангов, общественные деятели, журналисты и деятели культуры – писатели, художники, композиторы, артисты драмы и балета, певцы и певицы. И, конечно же, жители столицы тех лет всех сословий и возрастов.

На сегодняшний день отдельных портретов и групповых снимков, сделанных этим фотоателье, в нашей коллекции более 250 экземпляров. К ним следует добавить почти 440 портретов депутатов 3-й Государственной Думы Российской империи, тоже сделанных в ателье и собранных в отдельную книгу. Книга была выпущена издателем Н. Н. Ольшанским в 1910 году. В ней представлены портреты гг. депутатов по фракциям, с их краткими биографиями, которые откорректированы ими самими и с их же автографами.

Слово «почти», употреблено выше, потому что издатель сообщает, что «все портреты, за единичными исключениями, сделаны в лучшей фотографии Санкт-Петербурга «Рентцъ и Шрадеръ».

Всем заинтересованным в получении портретов от фотоателье «А.Рентцъ и Ф.Шрадеръ» или отдельных частей его истории может быть предоставлено по e-mail всё, что нам известно.

Много портретов, не вошедших в книгу, находится на сайте «fotoshrader.ru» и в «Большом Русском Альбоме» (Интернет).